

СМЕНА

Иванов

2

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пройдут еще годы и годы, а здесь все будет так, как при жизни Владимира Ильича. И эта глубокая тишина комнат большого бесколосного дома, и величавое спокойствие великих елей, осен, лип старинного парка, опутающего дом, и даже ощущение, что светится в окнах соседней деревни, — все вымывает в нас светлое, волнующее чувство встречи с дорогим человеком, нашим великим вождем.

... Вот кабинет, где работал Ильич. Его письменный стол. За этим столом написаны он десятки своих статей, раскрытых народу путь и светлону будущему. Самая маленькая комната в доме — спальня Владимира Ильича. Кровать, покрытая белым пинным одеялом, вековой стол, грелка с прислоненной к нему тростью. В этой комнате Надежда Константиновна читала большому Ильичу книги Шедрина, Горького, Дзюба Лондона.

«Читавь ему, бывало, стихи, — вспоминает Надежда Константиновна, — а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, начинающиеся словами: «Никогда, никогда коммуныры не станут рабами». Читавь, точно клыту Ильичу повторять, — никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции.

Десять вещей в этом доме как бы хранят тепло приснопамяти ленинских дней и покоему так дороги нам.

Сотни тысяч людей побывали в Горках Ленинских, унося в своей памяти драгоценные подробности жизни величайшего гения человечества.

На первой странице обложки: Фрагмент картины Ю. Вейрицера «Наша земля». На четвертой странице обложки: Здесь будет Куйбышевское море. Фото А. Гостева.

27 февраля состоится выборы в Верховный Совет РСФСР и в местные Советы депутатов трудящихся. В дни предвыборной кампании особенно много на агитупитках. На снимке: избиратели смотрят новую телевизионную программу в агитупитке четвертого избирательного участка Железнодорожного избирательного округа города Москвы.

Фото Г. Борисова и В. Сметанна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь. № 2. 1955 год.

Год
издания
32-й.

Аркадий ВАСИЛЬЕВ

Шло, товарищи, в ночь!

Ничто печатается отрывком из исторической повести Арк. Васильева «Смею, ты и ночью», издаваемой Детизмом для молодежи. Она посвящена революции 1905 года, знаменитой летней стачке иваново-воинских рабочих, создавших один из первых Советов рабочих депутатов. Главные герои повести — Михаил Васильевич Фрунзе, рабочий Степан Васильевич, иваново-воинский рабочий Федор Афанасьевич Афанасьев («Отче»), Семья Балашов, Гугол Никанорович.

В начале повести говорится о том, как один из волонтеров иванов, везя хлеб, попал в свои воем ивановской, поповской особе внимание великошественного общества, рассказывая, что в ночь под Новый год на набережной Новыя в него стреляли канной-то солдат казачьего полка.

В поведении на жизнь волонтера иванов был заложены радостны Степан Васильевич. При объясне у него иванов поговаривала литературу. Васильевич арестован, но другими помощниками ему помочь, и он находится в тюрьме в семье своих земляков Никанорович.

Сын Никанорович Иван — большевик. Он-то и свабид Степана ивановской литературы.

...На осторожный стук Степана дверь открыла Дарья Михайловна. Увидев неожиданно гостя, она охнула и, словно почувш грозящую ему опасность, тревожно спросила: — Господи, откуда ты? Проходи скорее... Поднялась вся семья. Наташа, слушая Степана, куталась в материя платок, вздрагивала не столько от холода, сколько от волнения. Матвей Никанорович примернул лампу и плотнее закрыл занавески на окне. Иван, не дав Степану договорить, решительно перебрел его. — Все ясно, Степа. Когда во двор входил, тебя кто-нибудь видел? — Нет. — Очень хорошо. Спимая все. — Зачем? — Бес спимая. Наденешь мое. Мы с тобой почти одинаковые. Одежду твою надо куда-нибудь деть,

— Может быть, сечь? — предложила Наташа. — Ни в коем случае. Через несколько часов о побеге будет известно всей полиции. Степан у нас выдана много раз. Могут пожаловать и к нам. Горьким вкусом будет пахнуть. Они все волю перекорят. Надо все унести.

Посещавшись, решили, что передетого в штатское Степана надо немедленно перепарить к ивановской подруге Тоне Боевой, а мундир и шинель бросить в Незу. Не принявшая никакого участия в этом разговоре Дарья Михайловна строго заметила: — Эх, ая, конспираторы! Тоже выдумали! Кто похесет? Наташа? Идет ночью дачка с улом. Да ее первый же городской по подозрению в краже задержит. Давайте уж лучше я и поразить уложу в большие корзинки и к Парфену в котельную снесу. У него в толке не только мундир, шеля лошадь спойт — и никакого закупа не останется, все в трубу вылетит.

Было еще темно, а Степан, перелезет в одежку Ивана, уже сидел в уютной комнате Тони Боевой. Наташа, привела его к подруге, объяснила неожиданное появление его просто: — Больше ему деться некуда. Но если его ты будишь, и тебя не поймают.

Тони залорно блеснула черными глазами и в тон ей ответила: — Это уж как водится. Очень даже легко на Сахалии можно уехать. Ша би ты домой, Наташа. Я твоего корзинка побегу... Но у меня будет, как в розовом шкафу.

...

Ничего в этот день, ни в следующие полиция к Никанорович не заходила. В столице разгваривались такие события, что всем полицией и жандармским чинам было не до розысков бе-

лого кавалергарда. Нашлись дела поважнее.

Незамышленно наблюдательно в те дни могло показаться, что столица Российской империи живет обычной жизнью. И действительно, на первый взгляд казалось, что все идет по обычаю и планста заводному порядку.

Как обычно, ступали на бирже маклеры. Утром 4 января из металлургических акций особенно хохло шел Гартман. С большим оживлением требовали нефтяные бумаги. Акции Гутковского завода стояли на прежнем уровне, но оживленного спроса не имели: о забастовке гутловских рабочих знал уже весь Петербург.

Утренние газеты привели читателям свежие новости. Генерал Стессель, две недели назад беззачин славный Порт-Артур, прибыл в Порт-Санд. Германский генеральный консул посетил генерала и торжественно вручил ему от имени своего императора высший ордена страны. В Лондоне состоялось первое заседание комиссии расследования Гудковского инцидента. Инцидент был из ряда вон выходящим и славу Российской империи отнюдь не умножил. Темной октябрьской ночью эскадра адмирала Рожественского, спешившая по приказу царя на Дальний Восток, встретила близ английского города Гулда рыбачью флотилию. Приняв в первую рыбачье судно и свой несколько отдаленный крейсер «Аврор» за японские миноносцы, командир флагманского броненосца «Суворов», на котором находился сам адмирал Рожественский, открыл огонь. Вслед за «Суворовым» затопорили орудия на «Орле». Метались на палубах под жесткими огнем рыбачьих факелом пылали подожженные русскими снарядами судно, падали раненые на «Авроре».

Комиссия в Лондоне допрашивала очевидцев, ходила внемом деловые обветренные рыбаки и недоросль слов поминал эскадру. А она в тот январский день шла где-то в Индийском океане, наветрете своей гибели.

В Петербурге торжественно бежали по улицам прокоже, а рача в высокие корзинки носы от расходевшего мороза. Валил клубина пар от лошадей. Неистовыми, скачонками казались покрытые мохнатым внемом деревня в Александровском саду. А в это время каминовое от тропической жары морух эскадры или бананы и ананасы, алял мечтая о свежих русских шях. Неприступный запах от бочек с испорченной каминовое сиваестья веза от алятка, полученных интендантам дальнего Кронштадтского порта от торговцев овшами, заробитавших немалую сумму на сваражении эскадры в дальнем восточном пути.

Рядом с сообщениями о продолжении эскадры газеты печатали объявления торговых фирм. Магазины фабрики «Бекля» объявля дешеву распродажу. В магазине Шиндлерман на Невском поступили новые партии музыкальных инструментов. Табачная фабрика Ляффера выпустила новые папиросы «Калия». Репортеры посетили больного Иоанна Кронштадтского. Старая дама восточной соборной женским по поводу своих будущих похорон. Он желал быть зарытым под престолом церкви Иоанновского женского монастыря. С утра и до поздней ночи не расходясь толпа елжков и квартирм и квартирм сегого плула. То и дело поджмекали кареты. Из них выходили генералы, великосветские дамы.

Казалось, ничто не изменилось в Санкт-Петербурге. В феинешельном ресторане Пахкина играл по вечерам салонный оркестр Казабанка. «Виржные ведомости» в утренних изданиях печатали роман графа Саласы «Лебедь». В Мариинском театре давали «Лебедь» оперу с гостевой Кинескокой в главной роли. В цветочном магазине поставили выносной раторского двора Штердремана на Невском

проспекте, как обычно, готовили для поклонников гостю Кюшинской цем-ляй сад.

Театр «Буфф» обещал первый вы-ход правдоподобно Бреслевского коро-левского театра Анжели Ван-Дюо в оперете «Фауст названку». «Петербургская газета» напечатала свое ме-ло: на закуски читателям рекомендо-вались вестфальские вестини, затем шли суп из земаляных грибов с гринами, говядина антрекот, фарширован-ные артишоки, меринги в креме.

На этом же столбе газета сообщила о трагическом случае: оставшаяся без средств вдова на поше голода была тронх своих детей, старшему из которых исполнилось восемь лет. По-кончить с собой вдова не сумела. Нож, воткнувший дрожащей рукой в грудь, прошею околдовал сердце.

Казалось, ничто не изменилось в Санкт-Петербурге. Как обычно, был объявлен список убитых и умерших от ран на фронте. Поблиби коннет Баллиава, хоружий Кобылянский, подьсуал Березов. О вижних чинах, как правило, не упоминалось.

Состоялись великосветские свадьбы. В церкви шефа жандармов состоялось бракосочетание племянником министра внутренних дел князя Сантолюки-Марского с чиновником особых поручений господином Потуловым. Горская дума в витый раз обсуждала вопрос о сооружении в столице трамвая.

Ничего, казалось, не было необыч-ного и в том, что в столице скорым поездом прибыл командующий мо-сковским военным округом дядя царя, великий князь Сергей Александрович. В сопровождении адъютанта капитана Дружковского князь, не зае-жая в свой дворец, прямо с вокзала отбыл в Царское Село.

Шестого января, в день праздника крещения, царь, великие князья и многочисленная свита, выстояв тор-жественную службу во дворцовой цер-кви, спустился по гранитной лестнице на великий лед и направились к береговой на-сону, установленной около огромной проуры. Царница с многочисленными дочерьми и де-тьми стояла пышно разодетых придворных дам наблюдала за процессией из окон дворца. По традиции, в момент погружения в воду раздавался орудиний салют. Все шло по-расписанию. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, с трудом согнув в коленях старые податерические ноги, присел на корточки и окупил большой золотой крест в воду. Первый залп дали орудия Переполовской крепости, второй — батарея первой гвардейской артиллерийской бригады, расположенная на Васильевском острове, и третьи — артил-лерийский батальон в крепости. Этот второй залп был особенно звучным. Над огром-ной толпой царедворцев зазвучала прашель. С легким шумом вылетели стекла в Николаев-ском зале Зимнего дворца. Посыпалась со стен дворца штукатурка. Салют треснул, а по льду вперед всех летел с криком в прорубь неза-дачный великий князь. Боря Владимирович. Лежал на льду в дужке корабля также раненый городской Петр Романов.

Не прошло и часа, как его имя облетело всю столицу.

На набережной у биржи явился в беленой пиласке командир батальона капитан Карцев. Выткнув по швам руки, стоял перед ним фельдшер Гиндлер и канюин второго ору-дия Аляльков. Канюин, стараясь не смотреть в лицо офицеру, косил глаза на Неув и повто-рил одно и то же.

— Ничего не знаю, вась высочайшего-родие. Не иначе, как шранелье осталась от учебной стрельбы. Плохо пробили...

Палали по городу слухи. Один особенно на-стойчиво влезал в голову: 41е того Романова взошло в воздух. В сумерки перепуганный царь вместе со всей семьей покинул Зимний дворец. Спе-циальный состав вывез многочисленную императорскую родню в Царское Село.

В занесенной половине Зимнего дворца в ночь на 7 января поселился только что прибывший в столицу генерал-майор святы его величества, бывший московский обер-полицеймейстер Фитингоф.

В подполье у Третьякова собрался главнокомандующий гвардией великий князь Владимир, министр промышленности Коковцев, петербургский градоначальник Фуллон и высшие чины штаба гвардейских войск и петербургского военного округа.

Обстановку докладывая начальнику штаба Фитингоф: — На сегодняшнее число, кроме Путиловско-го завода, бастуют: Невский судостроитель-ский, Обуховский сталелитейный, Балтийский, Трубочный, Неважик ниточная мануфактура. Особенно недолгостима забастовка на Путилов-ском: завод изготовляет орудия, снаряды, ми-ноносцы, вагоны и другое снаряжение для дей-ствующей армии.

Третьяков не допускающим возражений тоном сказал:

— Неприятна любая забастовка. Должнот дислокацию войск.

Фитингоф удерживаясь посмотрел на великого князя, как бы говоря: «Как смеет этот выскоч-ка приказывать мне помню вась? Но, к его удивлению, князь кивнул головой:

— Продолжайте.

Начальник штаба разложил на большом сто-ле карту столицы.

— Город в целях наибольшего оперативного руководства разбит на шесть отделений. Пер-вое отделение начинается от набережной Невы до Сената, идет по Горьковой, реке Фонтанке, Забалканскому проспекту, Обводному каналу, Литовке, Потемкинской улице, Екатерининско-му каналу и выходит на Невский. В первом отделении сосредоточено девять с половиной батальонов, два эскадрона и сотня казачков. Общее руководство отделением возложено на

генерал-майора Озерова. При нем со-стоит местный полицмейстер Григорьев.

Доложили обо всех шести отде-лениях, Фитингоф спросил у князя:

— Прикажете продолжать?

Князь посмотрел на Третьякова. Тот молча кивнул головой.

— Всего в столице сосредоточено сорок четыре батальона пехоты из гвардейских полков: Преображенско-го, Семеновского, Павловского, Измайловского, Охотинского, Кавале-рии — десять эскадронов и семнад-цать казачьих сотен. В резерве гвардей-ский флотский экипаж.

Князь повернулся от окна и спро-сил:

— Как обеспечена охрана Зимнего и Анничкова дворцов?

Фитингоф, не заглядывая в бумаги, напомнил ответить:

— Удвоенная пехота.

Третьяков одобрительно подтвердил:

— Барон постарался. За двором мы спокойны. Я лично больше беспокоюсь за электростанцию, водопровод и га-зовые заводы. Особое внимание долж-но уделить электрическую станцию на Об-водном. Особое внимание вокзалам.

Заговорил молчаливый до этих пор Фуллон:

— Нужны пулеметы. Без них, как без воздуха.

Князь намеревшись посмотрел на градоначальника и, как бы извиняя его наивность, разъяснил:

— Мной это предусмотрено. Из Царского Села затребована пулемет-ная рота гвардейской стрелковой бригады. Кроме этого, на пути в сто-лицу из Нарвы и Ревеля находится полк 89-й Беломорский, 90-й Онеж-ский, 91-й Двинский и 92-й Печор-ский. Ожидается в ночь с субботы на воскресенье.

Третьяков встал, за ним, как по коман-де, все остальные. Великий князь:

— Я тебя спуживаю на замок запер. Государь просил выразить уверенность в том, что гвардия и войска полны верноподданни-ческих чувств и способны на самые решительные меры.

Третьяков деловито добавил:

— В случае необходимости, господа, патро-нов прошу не жалеть!

Тоня Боева ушла утром на работу, с улы-бой сказав на прощание:

— Я тебя спуживаю на замок запер. Пусть думают, что дома никого нет. А ты, шумуды, сиди тише и не вздумай соловьем песни распевать: в момент в канарейки превзвудут и в клетку...

Стелу было не до лесей. В комнату взр-еда хонисель голод дворника, изредка, у-равнявшего возчика полнее насыпать сани сугием.

— Прихлюпывай, прихлюпывай. Этак мы с тобой до ночи провозимось...

Плтом дворник и возчик ушли из-под окна, и в комнате стало тихо-тихо. Стелу на шип-челек подошел к столу и принялся за остав-шиеся Тоней стаканы молока и большой кусок черного хлеба. Хлеб покчался уже необычай-но вкусно. Поев, Стелу вынул с полочек книгу в ризом желто-черном переплете и начал листать ее. На первой странице значилось: «Календарь на 1898 год под редакцией А. Гат-чука». Первые страницы занимали сведения о времени первового благоветия в Москве и Пе-тербурге, алфавитный список святых и описа-ния русских и иностранных орденов. Стелу минимально читал:

«Орден Андрея Первозванного учрежден 30 ноября 1898 года Петром II. Имеет одну степен и один класс, через правое плечо. На четыре чина: крест, са. P. P. R. (Santus Andreas Patronus Russiae). На обратной стороне: дваз «за веру и верность». При пожаловании взимается 500 рублей, а при пожаловании межд к ордену еще 250 рублей.»

Степан хотел уже плюнуть скучную книгу обратно, но, перелстав еще несколько страниц, чуть не вскрикнул от удивления, увидев знакомые строки:

«...Это новое, лучшее общество называется социалистическим обществом. Учение о нем называется социализмом. Союзы рабочих для борьбы за это лучшее устройство общества называются партиями социал-демократов. Такие партии открыто существуют почти во всех странах (кроме России и Турции), и наши рабочие вместе с социалистами из образованных людей тоже устроили такую партию: Российскую Социал-Демократическую Рабочую партию.

Правительство преследует ее, но партия существует тайно, несмотря на все запрещения, издавая свои газеты и книжки, устраивая тайные союзы...»

Степан даже засмеялся от восхищения: до того ловко была вклеена в старый казендар-депешинский брошюра «К деревенской бедноте».

— Так вот ты кто такой! — подумал Степан о Тоне. — Ах ты, птаха развеселая...

Комната Тони — беленская, чистая — показывая ему еще роднее. Степан подложил под голову старенькое тонкое пальто и лег на пол. Ключом беспокойство, владевшее Степаном с момента его ареста, смешалось сплывшим, осторожным ожиданием: Перебрав в памяти события минувшего дня, он с необычайной теплотой вспомнил Тухачова и Фоксгистова:

«Как-то они сейчас там? Что с ними? Как бы еще узнать? Затем память возвратила его к событиям ночи. Он вспомнил решительное лицо Ивана Никитина, учаственный взгляд Дарьи Михайловны: «Эх вы, конспираторы!»

Усталость и пережитые волнения взяли свое, и Степан уснул. Разбудила его громкий смех. На пороге стояли Тоня и Наташа. Тоня, размятывая платок, говорила подуте:

— Нет, ты только посмотри на него! Знал подкоматыя, а спит, как младенец.

Степан вскочил и радостно спросил:

— Наташенька! Тоня! Откуда вы так рано?

Тоня, поправляя волосы, серьезно ответила:

— Встаете. Хватит. Попыли нашей крошечки...

...

Поздно вечером пришел Иван Никитин. По тому, как Иван нежно обнял Тоню за плечи и как ласково взглянула она ему в лицо, Степан понял: любовь тут неподдельная и дружб-ная настоящая, на всю жизнь. Иван рассказал подробности забастовки.

— Началось у нас, на Путиловском. Ест там у нас в вагонной мастерской мастер Тетяжкин. Не человек, а собака, хозяйский хлюпй. При-

кажи ему наш директор Смирнов брата родного удавить — удавит и глазом не моргнет. Злодей, а не мастер. Уволил он четверых рабочих. Одного из них, Сергунина, я хорошо знаю. Еще Уколов, Субботин и Федоров. Все они члены «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города Петербурга». А это Тетяжкину прямо нок в горло. Он любит тихоньких, безответных. Ну и придрался к чужому, уволил. Вагонники к нему депутацию, а он даже разоз-риваться не стал: «Не ваше дело, Ваше дело — работать и шапки перед начальством ломать не забывать». Народ, понятно, не стерпел, а депутация пошла к самому Смирнову. А у того го-лоса значил, словно гулок на Балтийском за-воде. Вышел в переднюю и закричал: «Всех уволю!»

Ну и все. Народ — на улицу. За какие-ни-будь полчаса в мастерских никого, всех как ветром выдуло. А потом на другие заводы пере-бежовало. Встает весь Питер.

О себе Иван не сказал ни слова. Степан так бы и не узнал ничего, если бы не Ми-хилай. Он пришел вскоре после Ивана, снял вместе с пальто студенческую туфурку и оста-лся в синей сатиновой куроротеке с белыми пуговицами. Поглаживая рукой свой елок, он, улыбаясь, сказал:

— Рассказки, Ваня, как тебя со стола ста-щили.

— Сам начал рассказывать:

— Собрание у нас было. Народу набилось — повернуться негде, да еще несколько тысяч на улице стояло. Окна открыли, чтобы и на улице все слышно было. Приехал сам Гапон, политик в расе. Поднялся на стол, руки к ребу воздел и кричит: «Я нас к царю поведу! Рассажем его, батюшко, о наших нуждах!». Кричит, а крест на нем прыгает и все визавий перео-рывается. А тут Ваня рядом с ним встал:

«Не надо к царю идти. Ничем он не поможет, а вот пальто, наверно, угостит». Что тут нача-лось! Шум поднялся, крик. Кто-то Ваню за го-лову сгрел и потащил со стола... Гапон завизжал, как припадочный...

— Михалай помогал и добивал:

— Стрелять, конечно, будут. Веде войска и казаки... Идем, Ваня, идем. Нам с тобой се-годня надо еще у завода побывать.

Уходя, Михалай сказал: — Фальшивый паспорт, Степан Ильич, я вам заказал. К понедельнику сделают. Ваня его вам принесет. Потом мы вас в надежное место переправим.

...

В воскресенье Тоня ушла рано утром. Она старательно завязала в платок хлеб, неболь-

— Михаил — М. В. Фрунзе.

шой кусок вареной колбасы и два куска жареной рыбы.

— До дворян далеко. Проголодаюсь...

Степан спросил ее:

— Решай идти?

— Ваня идет, и я с ним. Он меня отгово-ривал, да разве я одного его послу?

— А Наташа?

— Идет... Она со своими фабричными.

Вместо бежевого платка, который Тоня но-сила обычно, она повязала большую клетчатую шаль, надевая синие с белым вырезки и ушля. Кроме она вернулась и, снимая шаль, объяснила:

— Хорошо на улице. Не холодно: градусов десять — не больше. Я в этой шали только из-мучалась... В платке полагаете.

Передевшись, она снова ушла, пожелав Сте-пану не скучать.

— Посидь тут один. Вечером я к тебе Наташу притащу... Может быть, и Ваня остано-вится. Кушай тут, не стесняйся...

Степан взял с полки томик Гоголя и, усевшись поближе к окну, начал читать. День про-шел для него быстро. Незаметно надвинулись ранние январские туманы. Помня совет Тони не закрывать лампу без нее, Степан отложил книгу и начал терпеливо ожидать, когда по-слышится знакомые шаги.

Но никто в этот день к нему так и не при-шел, и только поздно ночью он услышал, как звякнула накладка у двери.

— Кто тут? — шепотом спросил Степан. — Тоня?

— Нет, это вы — Наташа.

Почему вы так поздно? А где Тоня? Лам-пу зажечь?

— Не надо... Все сейчас расскажу.

Наташа, не раздеваясь, села на стул и тихо заплакала.

— Наташенька, дорогая! Что с вами?

— Убьют... Ваню и Тоню. Сталью людей убьют... Что в городе творится... Веде кро-ва... Как им мама говорила: не ходите, не ходите...

...

Несколько дней Степан жил, как в тумане. Позабыл об осторожности, он весь понедельник ходил с Наташей и Матвеем Никаноровичем к мертвякам, отыскивая тело Ивана. Впро-чем, вряд ли кто даже из однополовой уни-версы сейчас Степана Выхватова. На нем был старый трех, короткая, выдвигавшая выдвин-ную шубу и много раз латаные, подшитые ва-ленки. Он поблелел и осурозел. Ликие когда-то усы опустились вниз. Степан походил на одного из многочисленных безработных.

Тоню нашли утром в мертвячьи при Обу-ховской больнице. Протокавившись через толпу

С картин художника Н. Владиморова.

Расстрел рабочих у Зимнего дворца 9 (22) января 1905 года.

народа, они сразу увидели ее. Тоня лежала на полу в расстегнутом пальто, ее держали за плечи. Правая рука была закинута назад, как будто Тоня хотела отмахнуться от летевшей навстречу смерти; на левой, вытянутой вдоль тела и сжатой в кулак, выдвинулся синяк с белым выпуклым краем. Кто-то забавляло положить ей под голову божевыи платок.

Натasha, увидев подругу, не закричала и не заплакала. Она села на цементный пол, положила голову Тоня к себе на колени и все повторила и повторила:

— Милая ты моя, корош! Господи! Как же я теперь твоей маме напишу! Она ведь с ума сойдет...

Тело Ивана нашли во вторник в мертвецкой при Александровской больнице для чернорабочих на Фонтанке. Пошливать долго не выдавала его, ссылаясь на запрет градоначальника.

Хорошай их вместе. День был ясный, безветренный. К полудню тихо пошел редкий снег. Степан запомнил на все жизни смехлики покладели на лоб Тоня и не так. И еще запомнил Степан, как мужской голос на кладбище произнес:

— Кровавое воскресенье.

Кто-то добавил:

— И он у нас кровавый, парь.

Женщина вздохнула и, словно сама себе, сказала:

— Какой он парь был, да весь белый. Пес. Таких дел натураль.

***

Отъезд Степана неожиданно задержался. Человека, обещавшего раздобыть для него фальшивый паспорт, арестовали. Надо было искать какой-нибудь другой выход. В комитате Тоня жила было недолго; хозяйка квартиру Тоня точнее же больше изгородь сложив все ее неботатое имущество в подвал и сдала комнату новым жильцам. Степан жил у Никитички. Как-то вечером сразу постаревшая на добрый десяток лет Дарья Михайловна сказала Степану:

— Дворник мне сегодня про тебя расспрашивала: долго ли, говорят, у вас племянник прогосит. Отстаньте же скорее совестно: строго стало, околотившая администрация выел о вас приезжих докладывать. Пусть племянник убегает побыстрее поподорогу.

Степан понял: какой-нибудь лишний день, прожитый в столице, грозит опасностью. Через неделю после кровавого воскресенья царь издал указ об учреждении должности петербургского генерал-губернатора, которому фактически передавался вся власть в столице. Один из пунктов прямо гласил, что генерал-губернатор имеет право высматривать на столичные нежелательные элементы. Генерал-губернатор был назначен Трепов. Народная молва называла его вместе с князем Владимиром главными виновниками расстрела мирной демонстрации рабочих. Польшевые власти, мстя за свой испуг, всего устроивали перед новым диктатором. Все тюрьмы были переполнены арестованными рабочими и студентами. Дарья Михайловна на улицах по одному слову дворников и городских. С наступлением темноты на улицах в помощь полиции появились казачья патрули. Безмолвно, без музыки и барабана проходила по Невскому парадная секота.

Вслед за царским указом об учреждении должности генерал-губернатора обращался с воззванием к народу синод. Это воззвание принес Степану Михаил:

— Прочитай. Довольно любопытно. Долгогриние в политику пустились.

— «Труженицы земли русской», — читал Степан. — Берегитесь ваших ложных совестишек. Они суть насильники и властители злой природы... Сатанинский свист, скорбя о пагубных последствиях в современной жизни русского народа, умоляет всех чад православной церкви: бога бойтесь! Царя чтите! Всюю властью, от бога поставленной, власть!»

Возвращая Михаилу воззвание, Степан равнодушно заметил:

— Ерунда! На меня теперь это не действует. Бога нет, стало быть, нет и власти, поставленной от него...

— Верно, Степан. Только не все так думают. Обо всем, что происходило в городе, Степан узнавал от Натashи и от иногда забегавшего Михаила. Матвей Гинзарович после гибели

сына замкнулся. Он прихотливо делал позицию, не ел, не спал и садился с тубой около окна. Потом он шел к Дарье Михайловне на кухню. Они не говорили о сыне, а только о самом обыкновенном — о том, что пора отдать в починку кожаные сапоги, пора идти справлять Наташа к несвое месту. Но однажды Степан, войдя в кухню, увидел такую картину, что у него сразу пережалото дыхание от жалости к старикам. Матвей Гинзарович молча стоял около плиты, а Дарья Михайловна опустив голову на руки, выдвигала от безумных рыданий. На столе лежала готталовья Ивана. Иван когда-то случайно выиграл ее в лотерею на благотворительном вечере в обществе попечения о больных и раненых воинах...

В четверг, 20 января, еще одно событие вызвало Петербург. Среди делегатов, в три часа полудня выехавших в Фонтанский дворец Енгельсский мост. Старые, ржавые цепи не выдержали тяжести ижежавшего на мост стариками копей гвардии. Кроме этого, по мосту, как обычно, шли пешеходы, ехали домовые караваны.

Трепов в беседе с репортером «Биржевых ведомостей» вскользь упомянул, что будет очень рад, если печать во-настоящему займется производством. Репортер поинтересовался, что тогда. Наташе выйдти после десятидневного перерыва газеты накружились на эту сенсационную новость, словно комухи на падаль. Слова боже, вылились интересная тема. Было еще запечатлеть газетные статьи и не вспомнить о недавних кровавых событиях.

«Петербургская газета», проявив необычайную смелость, захлебываясь от восторга, сообщая о беспрецедентном поведении цензуры. На второй день после провала моста артистка Вильнева пропела на концерте в народном доме свой любимый романс «Мой кистер в тумане светлей». Как только она пропела первую тридцать три слова, никто не встретил сопротивления на мосту, — те-бас крикнул из зала:

— На каком?

Из другого конца зала немедленно под хохот и аплодисменты публика доносил ответ:

— На Енгельсском!

— Узнав об этом, цензор запретил Вильневой исполнять романс.

Газета истерично язвительно: «Ере же свобода! Мы не позволим испарять святое искусство!»

И-за шума, поднятого газетой о провале моста, почти не заметным прошло другое событие. Царь принял депутацию рабочих. Тридцать три депутата поименно были мастера и фабричные приставы. Другая половина состояла из передовцев в штатское городовое.

Но даже и этих «депутатов» в присутствии начальства конной царя тщательно обшарили старые опытные охранники. Депутаты сначала собрали в Зимнем дворце, проинструктировали, как себя держать, и повезли в Царское Село. Выстроены в Портретном зале Александровского дворца, и только после царского указа. Почти час потребовался министру двора Фредериксу и Трепову, чтобы уговорить самодержца показаться своим подданным. Сначала царь вышел к матерям, будучи не в силах перебороть страх, откровенно спросил, хорошо ли обшарили депутатов. И только после многократных уверений царь вышел в зал и, поддерживаясь, прошел подготовленным Фредериксом.

Речь царя была напечатана во всех газетах.

Михайки, рассказывая Степану всю эту историю, не удержался и вслух прочитал заключительные слова царской речи:

— «Я верю в честные труды рабочих людей, и в непоколебимую преданность их мне, а потому прошу их вину. Теперь, возвратившись, принимаю за дело, и да будет вам бог в помощь». Вперед! Прощай! Слабому... Народ не простит.

На другой день Наташа принесла домой газету и швыряла ее Степану.

— Посмотри, как народ обманывают!

В газете был напечатан список убитых и умерших от ран 9 января. В списке убитых 119 человек. Вот эти и возмущало Наташу:

— Смотри, Тоня нет. У Семеновых убит сын — его тоже нет. Алеся Колесников, — помини, на рождение к вам приходишь — умер от ран, его тоже в списках нет. Все убит. Хотят правду скрыть.

1. ОГНИ ПОРА

Траулер «Арморец» заканчивает промысел. Пролетно идет на плаву электровзбейка, поднялся со дна моря последний ряд, морской, тяжелый, пугающий от расширения его морской рыбы...

Удалая Немало милоеудав взято трески и окуня. Доверку залопотел огромный досками участок плавы — рыбный эскиз.

— Хорош подьем! — поднимает мне помощник мастера по добыче Саша Белов, смуглый, с темными ушами, газетчик. — Давай, знаешь, возвращаться сейчас в порт... Положим, это он припустил для красного словца. Сам-то рад-радеешен, что рейс за-канчивается. И почему не радостится! Задача перевалочного, в трюмах полна рыбы. Хорошо заработала вся команда и он тоже. А в Мурманске Сашу ждет жена Нина и двухлетний Вовка, их сын.

Пустует рыбный эскиз.

Связкаю по желобу в трюм последние разделанные мотросам окуны. В трюме за-солышки укладывают их в клетки — чер-дасия, где потными рядами уже лежат десятки тысяч рыб.

Связкаю в уберка. Бат в шлангов вода, смывая с плавы пятна крови и рыбы иши. Лыжи разбирают эрибодель — стол, за ко-торым разделывали улов. Втягивают на плаву и тиняе, вытаскивая досками, доску. Оки-служат для раскрытия трапа в воде. Обычно распорные доски, вломные стальными канатами, идут за кораблем на глубине или вклат на специальных дугах у корны и у лубока. Но сейчас ветер свалелат. Чего доброго, может сорвать распорные с дуг.

Наконец и доски уложены и длинные тросовые сети аккуратно подвезаны к бортам. Как сразу стало чисто на корабле! Полоска орнаментов вылетела на горизонт, в море каяется само промыслов, правдивый.

В сумерках подходить к Кильдину. Величье-ым каменим странем встает остров над морем на подступах к Колыскому заводу.

В сумерках бредется, чистая, уходит Брюк-ин. Девушка Таша, помощник повара, надела шелкового платья, мадушились.

На крыле мостика, облокотясь на поручни, стоит несколько молодых моряков. Задумчиво смотрят они вдаль, где за темными ушами скамистых берегов зальва ритмично проблещивают то желтые, то зеленые огни маяков. Слышатся радио. Мурманск ведет передачу для моряков, находящихся на промысле. Ничей, задумчивый, чуть грустный голос певца доносит песню мурманского композитора Валентина Зыкина:

«После короткой стоянки в порту море уводит зря. Берег любимый утлый в туману. Спрядлись они вдаль, где за темными ушами скамистых берегов зальва ритмично проблещивают то желтые, то зеленые огни маяков. Это огни черной штурки и туман. В сердце проносит морю...»

— Хорошо словенко! — говорит кто-то из ребят, подывая залот.

Вперед исплхнула элетра россыпь электростанции, вывз.

«Кормо медленно ходит на Мурманский рейд.

Призвано горят огни разбросанного на скалах городе. Звучит густой, мажорный динный гул. И пост-дарт отключается четким, звуком голосом, который разрезает тишину ночи:

— Эрта «Ивро», эрта «Ивро», подкоте левым бортом к причалу чатьре на выгрузку!

На мостике убьютоса:

— Лучший причал отводит! Во-о-о как нас встраиват!

Траулер еще только поднимается к пирсу, а в причале уже стонт девушка в белом халате, с записной книжкой в руке — представительница рыбокомбината. Она деловито оклакивает вахтенного штурмана:

— Сколько привезли? Соленой... Свежей!

— Да, рыбу в порту ждут. А людей...

Я вижу, как, прыгнув на причал, Саша Белов крепко обнимает молодую женщину в пуховом платке. С горделивой улыбкой рассказывает мне потом Саша, что Нина пришла в порт прямо с фабрики и прождала его муть ли не шесть часов: не хотела без него возвращаться домой. Стоят уже несколько востравающих — жены и матери.

Но большую часть команды — юнок, бессемейных моряков, тех, кто слушали на мостике песню об огнях, — не встречает никто.

Впрочем, нет, кое-кто поджидает и их...

— Смотри, Герман уже здесь! — слышится голос на полукабе; там столпился почти вся команда.

Тот, о ком идет разговор, — здоровенный, рослый парняга, без фуражки, в зашпозенной фуфайке и желтых туфлях — стонт, травазиков с стеньге деревянного портового сооружения. Когда швартовка «Иврова» заканчивается, парень отделяется от стеньги и, обращаясь к матросам, щемкает себя по губам:

— Давай! Ешь не заскря...

Кто-то, перегибаясь через планшор, сует ему скляннине патири и десетки...

2. «ЗЕЛЕНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ»

Мне пришлось в эту ночь заочковать на судне в каюте первого помощника капитана Алексея Федоровича Трапезникова, напряженного рабочего все последние дни промысла. И естественно, что теперь он, человек счастливый, поторосился домой. Трапезников имел на это не только формальное, но и душевное право.

Рано утром в каюту постучали. В дверях стоял слегка подвыпивший матрос.

— Я сказал, что помпосит скоря вернется.

— Товарищ корреспондент, — глухо начал матрос (его звали Владимир Платунов), — почитай такое безобразие!

Он сбивчало, но все же достаточно толково рассказал, что камбуз не работает, а в порту никто не может перекрутить.

— Вы меня извините, конечно, а немного выпил: ребята устали.

— Какие ребята?

Сразу припомнилось, как вчера с полукабы одели генико парню в зашпозенной фуфайке.

— Встретился тут один «бич», Платунов употребил слово, которое мурманские матросы презрительно называют лодырь, оставшихся от кораблей. — Я ему даю денег, он обещал, вина принес.

— Выходит, вы его угощали, а не он вас!

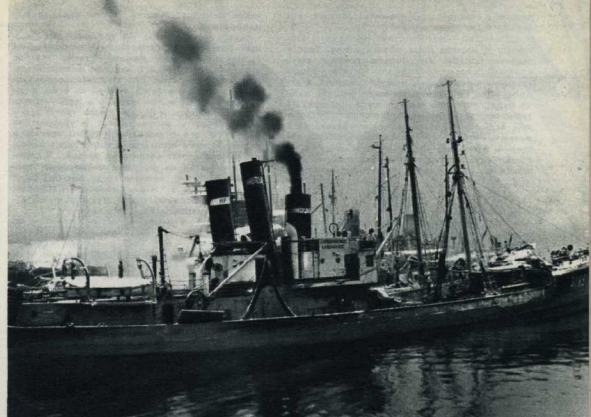
— Пускай так, смуглик Платунов.

Подумалось: ну никак так трудно добиться, чтобы в порту крупной сутки была открыта компания, где бы пришедшие с промысла моряки могли посидеть в тепле и уюте, хорошо поесты! И еще: почему Платунов и другие бессемейных матросов встречают на берег разные германцы, а не представители комитета комсомола и базового комитета профсоюза?

На пригорке, торжественно возвышавшая над портом и рыбокомбинатом, распрсталося огромное джурыловое серое здание. Это Дом междурядного отдыха моряков тралового флота. Он был построен еще до войны.

Перед зданием разбит небольшой сквер. На примитивной траве валются обрышки газет, колбасная кожура, саломасные хвосты. В разных углах сквера, прислонившись к стеновым колоннам, валяются бездельники — различные компании моряков. «Зеленая конференция», так прозвали трапелотовцы этот стихийно возникший клуб на волеюм воздухе. Что же делать, если больше войны не будет?

«А Дом междурядного отдыха неужели...» — начал законный вопрос. Прекрасный дворец фактически малодоступен для тех, кому он

Рыболовецкие траулеры в Мурманском порту.

фото Я. Рюмина.

предназначен. Из его двухсот одиннадцати комнат только двадцать номеров предоставлены для отдыха приходящих с моря промысловикам. Остальные же заняты постоянными жильцами. Даже спортивный зал отдан под общежитие. На заимке бассейн для плавания. Негде устроить танцы. А в столовой никогда не найдешь свободного места: так много здесь бывает народа, не меняющего нижнего отношения к траловому флоту.

Мурманск бурно растет. Его промышленность развивается не по дням, а по часам — вот почему в городе ощущается серьезная нехватка жилья, хотя строят здесь много. Но все это не может служить оправданием возмутительного факта: Дом моряков, по существу, отнят у его подчинных хозяев.

На лавочке рядом со мной присел матрос с челмоидником. Разговорился. Зовут его Михаил Майоров. Ходил в море на РТ № 134, лишь на день раньше «Иврова» вернулся с промысла. Также привезли много рыбы. Дали ему путевку в Дом междурядного отдыха.

— Смотри, путевка по всей форме, — сказал Майоров, показывая документ, выданный базовым комитетом профсоюза. — Комната сто сорок шестая, койка четвертая...

— Почему же вы не устроились!

— Койка уже занята. Выдали две путевки на одну койку... Путанник! — моряк говорил со сложной усмешкой, словно удивлялся, что существуют еще на свете такие бюрократы. — Ну, ладно. Отослось на пароходе.

Он не жаловался, но легко было догадаться, как глубоко обижен этот честолюбивый гражданин в море человек.

Довелось мне встретиться на «зеленой конференции» и с Владимиром Платуновым. На этот раз матрос был трезв, но снова уставший хмуро.

— Скоро отход, а я ничего не успев сделать. Хотел зубы подлечить — в поликлинику не пробраться: очередь! Купить тоже ничего хорошего не купил. Даже в кино не сходил...

3. РАЗГОВОР СО СТАРЫМ КАПИТАНОМ

В Мурманске от некоторых хозяйственных и профессиональных работников можно услышать рассуждения, которым оправдывается безразличие к организации отдыха и досуга мо-

ряков во время береговой стоянки. Вот как примерно высказываются эти дельцы:

— Идеальннй Разве передельше моряке танцам!

— Журналы, книги, леици! А что морскую эти леици! Дайте ему разрядку!

— В море работают — на берегу водку пьют. Как было, так и будет!

— Лишь бы рыбу привез... А выпить морскую не грех.

Как-то разговорился я по этому поводу с одним из старейших и опытных капитанов тралового флота, Федором Михайловичем Микховым. Выслушав рассказ о зашпозенном рыбагу, Микхов неспулся.

— Болтуни! — выдохнул он сквозь желтоватую седую щетину усов. — Море, море... Я вырос на море, с детства ходил лужиком — так у нас, рыбаков, юнг звали. — Старые шумно пересев дыхание. — С тралом работа тяжелая, верно, но разве у сталеваоров или шахтеров работа легче! А на флоте от капитанов многого зависит. Если ты настоящий капитан, так не забывай своего матроса и в порту... Микхов помолчал.

— Пили и раньше... Если утром отход, матросы с вечера придет и спит на судне. Болели безработными остатами. Этого страду у нашей молодежи нет. Но и сознание еще мало... Только что оформился в отделе кадров, моря-то по-настоящему не видел, а уже мичманку наберешь. Мы так фуражек никогда и не носили! Чубь выпустит, клеши — сорок сантиметра, шири нашин!... Вот и такм и прилавил разный человеческий отброс. Мол, раз морик, так пей. Даже песню на этот случай сочинил. Как этот миф с командно разваселого держим путь на ближайший кабак... Понял! Не в клуб, не в театр, а в кабак. Другой парня крепится, не хочет пропивать получку. Так его «бичи» эти самые изъять могут. Видел я давеча матроску. Получил за рабс три тыщи, а через два дня ничего не осталось.

«Попал», — говорит, — в компанию. И сам плачет. «Дельцы», — говорит, — прилетают к нам пичицки, а улетают стывки...»

Долое еще с горечью делвилось со мною впечатление рыболовного флота своим наблюдением. И вспомянулось нам письмо группы знатных капитанов Мурманского бассейна, опубликованное в августе 1954 года в газете «Рыбный Мурман». Среди подписей под этим

письмом, стояла также фамилия Михова, а в письме были такие строки:

«...Львисто—позорный пережиток прошлого. И настала пора объявить ему беспощадную борьбу. Эта борьба должна быть кровным делом командного состава, общественных организаций, комсомола в отдельности. Не навязав успешно решить, если не будет «улучшена деятельность наших культурно-просветительных и бытовых учреждений, если не будет организован культурный районный отряд молодежи в порту. Надо поставить дело так, чтобы не в пыльные и не в «винницу» шел труженик моря после возвращения из плавания, а в театр, кино, на лекцию...»

4. ГДЕ ТОНЯ!

На «Ирине» заканчивалась разгрузка трюма. Из двух открытых люков—сверху и юга—выгружалась добыча трехдневного рейса. Внизу, на большой глубине, работали девушки в желтой клеенчатой спецодежде и в экипировке. Загружая гряды перловки, трюм они заполняли еще шиком доработанных бабди—астампы. Слышались протяжные:

— Стану примарей-эй, Врал!

Пытавшиеся заглянуть в бабди, астампы поднимались из трюма и плавно осеивали полукруг над траулером, чтобы в следующую секунду опронулись над транспортером рыбокомбината.

— Папубу прыгнули с причала юноша-моряк. Загнул в люк.

— Девочка, у вас работает такая—Афанасья! Она в зенит...

— Афанасья! В зенит смена нет.

— Нет!

— Говорят тебе: нет!

Морячок печально поглядывал вглубь трюма, все еще надеясь на что-то...

— Девочка, а вы не знаете, где она проживает?

— Расспроси паренка, я узнал, что в вечерний приход в порт он познакомился на рыбкомбинате с девушкой Тоней. Очень она ему понравилась. Весь рейс думал о ней, хотел послать радиogramму, но не догадался взять адрес. А завтра ему опять уходить в море...

— А вы комсомолец?

— Комсомолец.

— Так почему не зайти вам в комитет комсомола? Там бы и поинтересовались. Он посмотрел на меня с недоумением: «Что вы, что вы!»—говорил его взгляд.—В комитет комсомола! Тоже—посоветовали! Да разве там станут заниматься такими глупостями!

Для этого моряка комсомольский комитет не стал еще родным домом, но стал той близкой «семейкой», о которой писал когда-то в одной из своих комсомольских позм Александр Бездомный.

В траловом флоте много молодежи. Сама особенность их профессии: длительные плавания вдали от берега, в открытом море и северней, от обычных девушек развивают в них особую остроту чувства. Сколько сил придает молодому моряку мысль о том, что его ждет, что его чужество дорожит! И в те же времена, как такелоу вспрямляет он всякую житейскую грязь, пошлость!

Чистота отношений парней и девушек, брак, семейная жизнь—такие вопросы волнуют здесь многих. А комсомольские комитеты флота, порта, рыбокомбината как бы не замечают всей жгучести этой проблемы. Раз мама пригласила на комсомольское собрание на повзрослею.

— Какой вопрос?

— Ой, у нас сегодня смешной вопрос,—смущенно ответила активистка, «о дружбе и любви».

— Сделав робкую попытку затронуть то, что действительно волнует молодые сердца, и... чего-то испугались. Собрание прошло спокойно.

— Тут же пришли мне на память искривленные слова молодого матроса с траулера «Победа» Виктора Макарова:

— Случно порой становился, понимаю! Все рыба, рыба и рыба. На собрании комсомола на различных занятиях—о рыбе, даже Мурманские радиопередачи—и те больше всего о рыбе. Нет у нас никаких кружков, ни-

какой самодеятельности. Жизнь какая-то однообразная.

— Был у меня на том же траулере любопытный разговор с секретером комсомольской организации судна Иваном Стекло. Матрос Стекло, читая заметку, читая статью о поддержке и упорства. Его комсомольско-молодежная вахта считается лучшей во всем флоте: берет рыбу и при штурме в пять—шесть баллов, на спуск и подъемы вахта тратит всего одну минуту, человек из вахты не уходит с смены по две с половиной тонны трески и окуна. Технику промысла Стекло знает отлично, но вот насчет воспитания людей... Я спросил его, читал ли он один интересный проблемную статью, которая тогда как раз была опубликована в «Комсомольской правде». Возникла мысль обидеть эту статью на открытии комсомольского собрания.

— Статью я читал,—сказал Стекло.—Но эта статья нам не подходит.

— Почему?

— Да там про целинные земли, а нам надо про рыбу.

Комсомольский вожак не понимал, что нельзя сложное дело воспитания молодежи сводить к одним лишь узким понятиям производственного собрания. Хотелось бы сказать, что узоры долгое время лежала на всем стиле деятельности комсомольской организации тралового флота. И недаром так резко критиковали комсомольцы-моряки свои комитеты, ставшие в Мурманске в последние дни октября 7-й общесоюзной конференции ВЛКСМ. Новому комитету был дан наказ: ближе к людям и запросам молодых тружеников. Надо ликвидировать тех, кто болонские, когда молодые моряки, пришедшие в порт, чувствуют себя одинокими и забытыми.

5. ИДЕАЛИСТ ФЕДЯ НОВИКОВ И ДРУГИЕ

Однажды в порту я был свидетелем волнующей сценки. К причалу медленно подходил корабль. Под легким ветерком полоскалось одно флажок: красно-желтый, бело-синий, желко-розовой полоской, синий с белым квадратом...

— С полным грузом идет!—объяснили портовики.

Оказывалось, родился такая новая традиция: флот идет, если на корабле есть и порту полные трюмы рыбы, если он первоплывал на всем показателем, то капитан отдает команду: поднять флаг республиканский! Такому кораблю отводится лучший причал, ему оказываются всеческие знаки внимания. Есть в этой традиции поэзия, как и в звездах, что зажигают горняки на верхних копрах шахт, выдвигая ин-горняк много угля, как и в алых вымпелах над станками передовых комплектов ткацких фабрик.

Эта традиция сейчас обогащается интересными начинаниями портовых комсомольцев.

Комитет комсомола флота получил от экипажа траулера «Жемчуг» с моря радиogramму:

«В порту будем одиннадцатого, задание первоплывал. Экипаж желает просматреть кинофильмы: «Мы с вами где-то встречались», «Об страданиях», «Судьба солдата в Англии». Помолит Бульгин, комсорг Головина.

А вот радиogramма с траулера «Касатка»:

«Желающие прослушать концерт: «Партизанские рулевики», отписки на оперетты «Трембачи», «Ванесса Шпенер».

Матросы Краснов, Чукуйский, Пашерты, Киселев просят «Полярный вальс»; засольщики Рогунин, Данилюк—чуткиши «Спокойный урожай»; концерт Миронов, Фаняча, Рыбин—«Вечернюю звезду»; Флечен тебя я, мильной мой, узнавал; механик Филиппенко—«Во кузнице» в исполнении Руслановой; механик Давыдов—«Ванесса Шпенер».

— И мы это все организовали!—делится с нами не без гордости матрос Федя Новиков, член комитета ВЛКСМ.

Федя—в очках, щуплый, с тизим, пронизывающим взглядом. Ничего не похода в Давылок! А между тем этот худенький паренек из Белоруссии отлично работал на палубе корабля «Писка». Матросы с «Писки» рассказали, что в Мурманске, когда Федя впервые «подравнялся» акору и стал раскисаться и ударять о борт судна, грозя сделать пробойню, Федя и его друг комсомолец Николай,

обхватившись веревками, полезли на полубак и устранили повреждение.

— Это тогда subito волной, но ничего, отлежался,—добавил один из матросов с теплой улыбкой.

Теперь Федю послали учиться на курсы. Находясь в порту, он много времени отдает любимой комсомольской работе.

Между прочим, Федя Новиков увлекается поэзией, пишет стихи для одного из неэкономического стихотворения:

Возна за волной забывает
И шлеплет о борт порабата.
О чем мой товарищ спешит,
Что вахт... неясно у души.

Быть может, подругу поинтересует
Спросит с застывшим слезами взглядом:
Так что из головной ты винюга?
Свищи нам, матрос молодой!

— А как будет закончиваться стихотворение?

— Не знаю,—тихо ответил Федя.—Хочется... Это будет pessimизма. Я понимаю, что нам плохо, но я думаю, про траулера, никто ничего не пишет, вот я и попробовал.

Этот мечтательный, с ласковой душой юноша принадлежит к той категории настоящих борцов, которые в годы голода, атакующих и денные чинуши обвиняют идеалистами.

«Идеалист» Федя Новиков с группой комсомольских активистов провел несложно ночных рейдов в море, в порту, атакующих, помогая выявить конкретных виновников зла, ответственных за то, что все еще неважно встречают приходящих с моря промышленников. Комсомольцы не только просвещали и организовали неформально на кораблях в часы выданы морякам зарплата прием вкладов на сберкнижку, в работников магазинов тут же принимают заявки от моряков на приобретение одежды.

...«Мне довелось побывать на одном из матросских вечеров отдыха. В подготовке таких вечеров Федя Новиков и другие активисты вносили вклад. Вечером, когда начинался лекцией выступил приглашенный комсомольцами главный архитектор Мурманска Анатолий Федорович Антонов, горный энтузиаст строительства столицы Советского Заполярья. Он сразу ослепдел вниманием шумной аудиторией.

Антонов рассказал, что в ближайшие годы в Мурманске воздвигнут высоченное здание Арктического периода, амбициозное здание Областного театра, да новых больших кинотеатра (один будет носить поэтическое название «Северное сияние»). Украсят город новые набережные, с лодочной стацией и вездущим стадионом на десять тысяч зрителей, а также крытый стадион, где можно будет проводить спортивные занятия и в зимнее время. Улицы покроятся асфальтом. Изобилие вывезенных с Северного Урала карам.

Моряки наперебой задавали архитектору вопросы и можно было почувствовать, как расползся эволюнал и открылся их расказ будущего.

После лекции объявили, что сейчас будет дан концерт художественной самодеятельности. Выступили школьники в белых кофточках и темных юбках, а также пионерско-гастушки. Иногда кто-нибудь сбивался с такта: пианист был неважный,—и юные исполнительницы рстеренно переглядывались, но тогда из аудитории раздавался смех.

— Не смущайтесь, девочки!

Всюду выдвигались добрые, улыбающиеся лица, искривлялись глаза. Быть может, этот вечер, эти темные юбки и танцующие девочки запомнили матросам их сестер, школьные годы, вот такие же незамысловатые клубные вечера... Эти молодые ребята в форменках оставили города, поселки, деревни, где прошло их детство, и в поисках лучшей доли приехали в Заполярье, чтобы на суровых просторах Баренцева моря и Северной Атлантики добывать для народа рыбу. И они были сейчас бесконечно благодарны тем, кто в этот вечер, впервые на причале и пригласил сюда, в этот теплый и ярок освещенный зал...

Варендую море—

Мурманск.

В водах Баренцева моря. На малом рыболовецком траулере «Сардинка».

фото Ю. Вагряевского.

На Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате есть хорошая традиция: опытные мастера охотно помогают новичкам овладеть их будущей специальностью. И в снимке ткачиха Мария Борисова (слева) беседует с Тамарой Петровой.

Фото Н. Хорунжего.

ЖИВОЙ ОБЛИК В. И. ЛЕНИНА

Н едавно Государственное издательство политической литературы выпустило сборник воспоминаний о В. И. Ленине.

С глубоким интересом и воодушевлением мы рассказывали людям, лично знавшим и знающим Владимира Ильича. Проиллюстрировав темлом и любовью к нашему великому вождю, эти воспоминания помогают нам представить себе живой облик В. И. Ленина.

Книга начинается статьей Г. М. Крижановского. Автор рассказывает о петербургских студенческих революционных кружках начала девятых годов прошлого столетия. Появление Ленина в 1893 году среди петербургских марксистов Крижановский сравнивает с животворным грозным разрядом. Уме же тогда всех поражающее ленинское умение владеть оружием марксизма, его осведомленность в самых различных вопросах.

Вскоре Ленин стал признанным руководителем петербургских марксистов. Крижановский пишет: «За обнаженный лоб и большую зрелую Владимир Ильичу пришлось попласться ключкой «Старик», находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бешеной в нем силой молодой энергии. Но то глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих, к которым он подходил, как это верно отметила Надежда Константиновна Крупская, не как надменный учитель, а прежде всего как друг и товарищ... все это прочно закрепляло за ним прядуемую нами кличку. Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным «Стариком», как и уже начала улавливать себя в чувства какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходила он... и как-то сразу меркла краски, а мысли делались ему вдолгую...»

Перед читателем дана за другой проходит картины жизни Ленина, говорившего в ту пору союдами марксистской партии. Владимир Ильич организовал и направил деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Крижановский вспоминает о том неизгладимом впечатлении, которое произвела на русских марксистов ленинская работа «Что такое «арья народ» и как они воюют против социал-демократов?».

В воспоминаниях отмечается удивительная ленинская работоспо-

собность, его умение в любых условиях напряженно трудиться.

Г. М. Крижановскому, сосланному в село, разосланное в ста с лишним верстах от Шушенского, удалось провести в Шушенском несколько недель. Он писал, как много Ильич читал, вел систематическую переписку с марксистами, внимательно следил за развитием рабочего движения, разрабатывал программу и тактику партии.

Нашей молодежи будет особенно интересно знать, как разумно и прозрительно строил В. И. Ленин свою рабочий день. «По утрам Владимир Ильич обыкновенно чувствовал необычайный прилив жизненных сил и энергии, весьма непрочь был побороться и познаться, по какой причине и мне приходилось неоднократно вступать с ним в некоторое единообразие, пока он не уместится при самом активном сотрудничестве с другими соратниками. А затем, после короткой утренняя прогулки, начинались графи нашей учебы. Определенные часы были посвящены работам литературного характера, подготовке материалов по статистическим сборникам, занятиям философией, чтению экономической литературы как нашей, так и западной, а за отходами полагалось чтение «Селестриана».

Владимир Ильич был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был веселый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столом!

Так шли недели за неделей нашей смышленой жизни, и напряженный темп работы этого необыкновенного человека, который на наших глазах не пропускал ни одного дня, чтобы так или иначе, но несколько продвинулся вперед в смысле расширения своего умственного багажа, действовал на нас необычайно подбадривающим и подтягивающим образом. Каждому в его присутствии хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тупило было ближе именно к этому яркому и жизнеисполнительному человеку.»

Заключительные страницы воспоминаний Г. М. Крижановского посвящены периоду 1903—1905 годов, но, к сожалению, описан этот период очень слабо.

С большим интересом читаются воспоминания С. И. Гоним, Е. Д. Стасовой, Г. И. Петровского. Перед нами возникает живой облик Ильича. Мы видим его простого, заботливого и внимательного старшего и товарищам по революционной борьбе, беспощадного к врагам рабочего класса, неисся-

каемому веру в творческие силы масс, глубочайшую убежденность в победе коммунизма.

В. А. Каринский говорит о том сильном впечатлении, которое Ленин производил на товарищей: «Вот это действительно вождя, партии и вместе с тем такой простой товарищ, к которому можно пойти и выложить все, что есть на душе...»

Интересен эпизод, описанный Ц. С. Зелинсон-Бобровской. Однажды она откровенно поделалась с Владимиром Ильичем своими сомнениями. Ей — простой работнице — казалось, что профессиональными революционерами могут быть только люди особо одаренные, с большими теоретическими знаниями. А в своих силах она сомневалась. На это Ленин ответил, что право называться профессиональными революционерами остается за теми, кто прежде всего и больше всего беззаветно предан партии и рабочему классу; этим правом должны пользоваться люди, у которых их собственная жизнь сливается с жизнью партии.

Зелинсон-Бобровская пишет, что впоследствии она в наиболее трудные, сложные моменты партийной работы часто вспоминала совет, который дал ей Ленин в конце беседы: «Беззаветно преданность и вера в свои силы! Необходимо невозможно больше веры!»

С большой любовью и тактом воспитывал В. И. Ленин в своих товарищах по революционной борьбе дух уверенности и бодрости.

Авторы воспоминаний отмечают замечательную черту Ленина — его умение давать советы в простой, одному ему свойственной форме, без малейшей тени какого-либо поучения, наставления.

Одни из авторов книги воспоминаний, Г. И. Петровский, вместе с другими большевиками, депутатами IV Государственной думы, в конце 1912 года участвовал в совещании ЦК партии в Кракове, где проживал тогда Ленин. «Мы, рабочие-депутаты», — рассказывает он, — были поражены скромностью и простотой Владимира Ильича, на квартире которого работало совещание и где мы также обоглади (готовила Н. К. Крупская, помогала ей женщины — участницы совещания). Изумило нас и то, как хорошо знал В. И. Ленин, хотя он долгие годы находился в эмиграции, настроения рабочих России, как внимательно выслушал во все вопросы, имеющие отношение к рабочему движению, как глубоко он обобщал отдельные явления, притянув к этому и нас, революционеров-практиков.»

Скромным, стремившимся ничем не выделиться, остался Ленин и после победы Октябрьской револю-

ция, когда он возглавлял Советское правительство и имя его уже было известно миллионам и миллионам трудящихся во всем мире.

Г. И. Петровский приводит яркий пример, рисующий облик Ленина. «5 апреля 1920 г. депутаты IX съезда партии чествовали В. И. Ленина в связи с приближавшимся пятидесятилетием со дня его рождения. После выступления двух ораторов Владимир Ильич сказал, что этого вполне достаточно, и предложил поговорить о насущных вопросах партии и советского строительства. Однако депутаты съезда не согласились с этим: они хотели выразить свои чувства, свою горячую любовь к В. И. Ленину. Тогда Владимир Ильич ушел. Это было чрезвычайно характерно для него: он не терпел хвалебных речей по своему адресу. Пошла моя очередь председательствовать на заседании. Мне сказали, что Владимир Ильич вызывает меня к телефону. Он спросил, что происходит на съезде. Я ответил: «Продолжаются выступления о 50-летии Владимира Ильича Ленина». Владимир Ильич настойчиво потребовал от меня, как председателя, прекратить эти выступления. Но сделать это было невозможно.»

Владимир Ильич учил нас, коммунистов, скромности, учил тому, что на первом месте должны быть интересы партии и рабочего класса, которым мы служим.»

О простоте Ленина, его близости к массам, его прямоте говорят и заключающиеся книги воспоминаний рабочих Трехгорки. Владимир Ильич часто бывал на собраниях рабочих московских фабрик и заводов, в том числе на «Трехгорной мануфактуре». Выступая перед рабочими в дни гражданской войны, Ленин никогда не скрывал дружелюбия, стоявшего перед молодой Советской страной. Он принимал рабочих собрать все силы для преодоления их. Работнице Трехгорки А. Жарова пишет: «Даже те, кто пресек нас, падала душой, как будто передернулись, и после прихода Ильича уверенные мы себя чувствовали, энергичные работались. Ф. Г. Румянцев рассказывал о встрече с Лениным на первом съезде коммунистов субботнего 1920 года: «Он запросто пришел и, присев на бревно, разговаривая с рабочими Трехгорки, таким простым, заботливым, ровным и близким останется Ильич навсегда в моей памяти.»

Воспитательное значение книги трудно пересчитать. Воспоминания о Ленине, о самом великом человеке, по образному выражению Маяковского, дают возможность еще раз увидеть черточки живого Ильича.

Н. МОР

«Хранители заветов»

Рассказ

В длинных очередях, в которых простаивают безработные перед мюнкенским биржами труда, время от времени появляются человек в потертом старомодном пальто и засаленной шляпе. Он хватает своего случайного соседа за плечико и говорит уставшим голосом:

— Послушайте, уважаемый, издана ли вам, что такое юридическая непрерывность действия закона?

И если спрошенный внимательно взглянет на него, он, отмахиваясь свистком, сердечно пожимает руку незнакомца со словами:

— Вольфганг Прасс, доктор юриспруденции. — После чего робко добавляет: — Не найдется ли у вас случайно сигарета?

Ты окончив свой путь непоколебимый борец за конституционность и законность, почти легендарная личность, чьи лагерь, однако, увалишь, чем ни судено было расцвстать. Теперь это совершенно безобидный человек, но горе тому, кто вздумает в его присутствии засистать или запеть пресловутый «баденвейлерский марш». В ту же минуту доктор Вольфганг Прасс подожмет и потянувшись со скатыми кулачками и возопит:

— Что вы делаете? Ведь это же — присутствие!

— Почему? — удивится человек.

— Почему? — с горечью повторит доктор Вольфганг Прасс. — Ах, боже, боже мой, ведь это же, мой друг, ясное божье диво. Но полагать вас равным спросить: известно ли вам, что такое юридическая непрерывность действия закона?

Разрешите, любезный читатель, и нам от имени доктора Вольфганга Прасса задать вам тот же вопрос: знаете ли вы, что такое юридическая непрерывность действия закона?

Чтобы внести ясность в этот вопрос, нам придется вернуться к тому, ныне уже ставшему историческим, собранию союза «Хранители заветов», на котором председательствовал генерал в отставке фон Сирков, в то время еще исполненный идеалов и, по примеру своих великих предшественников, известный тем, что пил молоко и пловодов, сви и питался овощами. Организационное собрание происходило под готическими сводами пивной «У сплителя», в атмосфере, как позднее писала мюнхенская пресса, возвышенной и пронинюанной. Один из присутствующих

на собрании журналистов писал на следующий день, что он почувствовал, как его лица коснулись крылья истории, другой сравнил памятную речь генерала в отставке фон Сирков с полетом имперской орлицы. И лишь одна газета опубликовала ехидную заметку об организационном упущении, касавшемся гимна «Хранителей заветов», ничуть не предполагая, что здесь таится драматический зародыш будущих событий, бурное развитие которых привело генерала фон Сирков, законченного противника западной демократии, в ряды ее приверженцев, мистера Маклаттерсона — к новому финансовому просперити, а доктора Вольфганга Прасса — в очереди безработных.

А теперь вернемся к тому историческому собранию.

Была поздняя ночь пара, и присутствующие уже а третий раз поднимали кружки с добрым мюнкенским пивом и троекратно провозглашали: «Hoch!» Генерал в отставке фон Сирков одной рукой вытирает вспотевший лоб, а другой приветствует крашущую толпу. Ораторы разослали пиво бесшумно и выжидательно. Это были старые, опытные офицеры, и они рассчитывали на крупные успехи. Устав союза был принят единогласно. Из него вытекало, что союз «Хранители заветов» объединит бывших фронтовиков, дабы снова, как было сказано в уставе, собрать их вокруг знамени Великой Германии в духе новой Европы для защиты западной цивилизации.

Ура! (нем.)

Рисунки В. Ревалова.

Затем генерал в отставке фон Сирков растроганно провозгласил: «Друзья и соратники! Наш славный съезд близится к концу! Так сподвигте же нашу боевую песню!» Собеседники о реакции на этот задушевный призыв разнились. Однако, как нам удалось установить, все они сходятся на том, что среди «Хранителей заветов» в эту, на первый взгляд радостную и возвышенную минуту возникло некое замешательство. Это произошло в результате уже указанной организационной неполадки, состоявшей в том, что устроители заранее не подобрали песню в качестве гимна союза. Несколько человек несомненно затянули было песню о Хорсте Весселе. Но этот отчаянный акт черстрей опережал время, и нестройный хор захлебнулся в самом начале. В рядах «Хранителей заветов» произошло замешательство. В груди у них зачула победная песня. Она прямо разлилась из их глоток, уваленных пивом, но петь ее было нельзя.

Тогда они обратили свои суровые, но преданные взгляды на своего вождя — генерала в отставке фон Сирков. Генерал же взглянул на сидящего рядом руководителя отдела пропаганды, которого с почтением называли «маленький Геббельс», и этот взгляд, исполненный гнева и недоумения, как бы говорил: «Майер, мой вернейший ученик, как вы могли забыть об этом!»

Он поспешно написал ему записку: «Майер, вы просто скотинка!»

После этого он обратился к присутствующим:

— Соратники и друзья, произошла небольшая оплошность. А сейчас: как обратиться наш милый и уважаемый друг, шеф пропаганды доктор Майер. Ура! Герр Майер, обладатель зваучного баритона с едва заметным тремоло, подымае и сказает:

— Перед тем, как мы разойдемся, необходимо предожить песню, которая стала бы гимном «Хранителей заветов» и одновременно могла бы... так сказать... была бы некоторым образом, с точки зрения тактической и стратегической... этим, впрочем, я не хочу сказать, что она должна... и так далее... Всем ясно, друзья и соратники!

Он встал. Обсуждение было по-военному решительным и лаконичным. Участники собрания вставали один за другим и называли песню, после чего с шумом опускались на свои места. Самую длинную и прочувствованную речь провозгласил Альфред Барон, владеющий оловянной лавкой, а в прошлом штурмфюрер войск СС, оказавший значительные услуги империи в качестве начальника лагерей военнопленных в Эстонии и на Украине.

— Я предлагаю вам «баденвейнер», который отличается не только своими музыкальными качествами, замечательным ритмом и великолепной барабанной партией, но также и тем, что, как известно, он был любимой песней...

Тут оратор оглядел всех присутствующих и, встретив устремленные на него со всех сторон взгляды, полные напряженного внимания, продолжал:

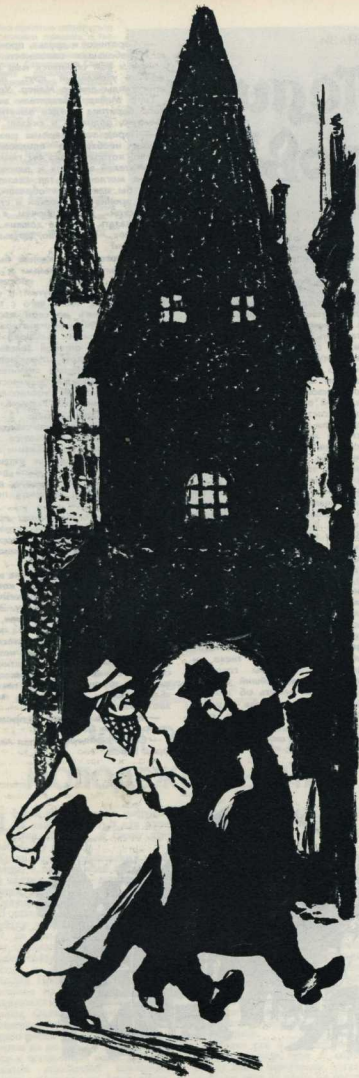
— У меня дома припрятана вырезка из газеты, название которой по тактико-стратегическим соображениям я опущу. Это статья о песне «баденвейнера», в которой сообщается, что на некоем празднике в Бергтасе дане у одного лица, имя которого я также опущу по тактико-стратегическим соображениям, при звуках указанной песни «баденвейнер» выступили на глазах слезы.

— В самом деле? — спросил генерал фон Сирков.

— Слово офицера, — сказал Альфред Барон.

Организационное собрание происходило под готическими сводами пивной «У сплителя», в атмосфере, как позднее писала мюнхенская пресса, возвышенной и пронинюанной.

И вот в этот весенний вечер апреля 195... года в пивной «У спасителя» около пятидесяти мужских голосов заели песню «Баденвейлер» в качестве гимна союза «Хранители заветов». В погребке пазло кожей, пивом и потом, в нишах дрожали черные тени, и в изгибах сводчатого потолка мерцали матовые лампы.

Темными мионксскими улицами расходились по домам «Хранители заветов». Они шли разными путями, под мелким моросщим дождем, приятно опьяненные, раскрывшиеся и ободренные; среди них были бывший полковник лейб-гвардии, капитан подводной лодки и редактор журнала «Штурмовик», и зять гауляйтера Коха, и многие другие заслуженные и надежные люди. Некоторые из них развлеклись по своим городам: в Нюрнберг, Бонн, Эссен, Кельн, Гамбург. Это были руководители главных филиалов союза «Хранители заветов». Многие из них насчитывали «Баденвейлерский марш». И никто из них даже не предполагал, что... Но не будем опережать события.

В пивной «У спасителя» при живом участии всего президиума, в том числе при участии осмелившегося доктор Майера, было написано письмо полиции-президиуму. Фюрер, бывший генерал фон Сакров, приобретав в этой неподходящей обстановке молоко, и многие историки склонны полагать, что именно тогда в пивной «У спасителя» он пил его в последний раз. Письмо было отправлено в тот же день, как свидетельствуют источники, гласило: «Достопочтенному полиции-президиуму Мюнхена.

Никогдапидавшийся союз «Хранители заветов» имеет честь сообщить, что он намерен дополнить одобренный Вами устав союза, внесенного в реестр уставов, в том смысле, что пункт 7 «а» § 24 устава союза будет гласить следующее:

«Пункт 7 «а». Гимном союза является «Баденвейлерский марш».

Союз просит Вас принять к сведению изменение устава и одновременно препровождает Вам в трех копиях новый текст гимна нашего союза. Так был передан рублон. На следующей неделе в изучение этого дела уже погрузились полицейский советник доктор Вольфганг Прасс, и кей специалист своего дела. В первый момент он приступил к разрешению этого жгучего вопроса с некоторой поспешностью и пренебрежением. Он осунулся перо в чернильницу и уже приготовился было наложить короткую резолюцию: «Ходатайство удовлетворить».

В то время доктор Вольфганг Прасс был мужичиной толстым расцвете сил, который не только исправно платил квартплату, но дажды в неделю ходил с компанией в пивной погребок «Зеленая тропка», а также пополнял свою юридическую библиотеку, уделяя особое внимание церковному праву и кодексу бывшего баварского королевства. Доктор Вольфганг Прасс был прежде всего юристом, и всем известно его мнение, что если бы земля осмелила свою собственную геометрическую форму, то этой формой была бы параграф. Во всем прочем это был человек благодушный и умеренный, и никто

не намекало на его будущую судьбу. По средам он играл в карты со своим приятелем — ветеринаром и раз в две недели принимал гостей. Остальное время он проводил в расширении своего юридического горизонта. Перечтя слово «Баденвейлер» во второй раз, он задумался. «Баденвейлер!» — сказал он себе, — боже мой, об этом есть какой-то параграф...»

И он отложил разбор дела. На следующий день он установил, что, согласно мюнхерскому закону от 7 мая 1939 года, песню «Баденвейлера», столь любимую Адольфом Гитлером, можно играть и петь лишь в его присутствии. Хотя по логическому ходу 195... год нашей эры, закон этот не был отменен. Следовательно, — сказал себе доктор Прасс, — он и впрямь остается в силе. После этого столь неожиданным открытием доктор Прасс имел серьезный разговор с полицей-президентом за бутылкой мозельского вина, употреблявшегося уверенно и с расстановкой, так что нельзя усомниться в том, что сознание доктора Прасса было в это время кристально ясно и корреспонденция не грозило ни малейшей опасностью.

— Оставьте меня в покое, — сказал полицей-президент. — Ведь это бессмыслица.

— Юриспруденция не бессмыслица — ответил доктор Прасс. — Напротив, юриспруденция является смыслом жизни.

— Это полицей-президиум не касется, — с отращиванием, сказал полицей-президент. Тем не менее он еще раз прочтал закон.

— Боже мой! — прошептал он. — Ведь фюрер на небе. Как же вы хотите доставить его на собрание!

— А это уже невинно, — наше дело, — заметил доктор Прасс. — Мы, ваше превосходительство, существуем для того, чтобы защищать законы и юридическую непрерывность. А закон гласит: «Баденвейлерский марш» можно исполнять лишь в присутствии Фюрера. Продолжается юридическое действие или не продолжается? Был закон отменен! Не было... Вы хотите петь гимн союза! Пожалуйста, сделайте одолжение. Но только в присутствии фюрера, как гласит закон. Вот все.

— Однако вы редкий плут, — погрозил пальцем полицей-президент, которому показалось, что он изменился от этого мексиканского доктора Прасса. Он полагался на преданность своих подчиненных и потому справедливо рассчитывал, что доктор Прасс поделится с ним «вруской» от этого мексиканского предприятия. Он был рад, что ошибся в докторе, до сих пор считая его человеком, который был способен развлекаться лишь до поры своего увлечения. Но доктор Прасс имел в виду только право. Это был великий маг параграфов, воплощенная буква закона, последний неподкупный и уединительный бонксом государства.

Полицей-президент вежливо открыл перед ним дверь, и доктор Прасс твердой поступью отправился прямо пропустить в своей канцелярии он написал союзу «Хранители заветов» следующее письмо:

«По Вашему заявлению, в коем сообщается об изменении местности, дополнении, устава, одобренного полицией-президиумом, и

...Темными мионксскими улицами расходились по домам «Хранители заветов». Они шли разными путями, под мелким моросщим дождем, приятно опьяненные, раскрывшиеся и ободренные...

— Сколько филиалов у вашего союза?

— Пять тысяч, — наугад сказала генерал фон Сакров.

Мистер Макпаттерсон поглядел на него долгим взглядом и сказал: — Мы пришли сюда, чтобы научить немцев демократии...

— А тогда, — ответил генерал фон Сакров.

Макпаттерсон был маленький, круглый человек, который, как говорит, не был таким уж добродушным, каков казался на первый взгляд. Он был родом из сердце Соединенных штатов, Вашингтона, где недалеко от Квинтона вместе с братом содержал похоронное заведение и большие каменные мастерские.

Это был тот самый Макпаттерсон, который прославил похоронно-погребальное дело там, что выставил в витрине наглядный труп убийцы Маринетти, закупленный им сразу же после казни и доставленный самолетом из заколупленного городка в Южной Каролине. Его деятельность в американской оккупационной администрации близилась к концу, так как филиалы фирмы Макпаттерсона «Ангел смерти» уже существовали во всех крупных городах Западной Германии, а иная коммерческая деятельность находилась в последние время под угрозой со стороны военных учреждений более бронейными фирмам. Мистер Макпаттерсон был несколько утомлен. Откровенно говоря, он дождался бизнеса.

С некоторым изумлением он выслушал тираду генерала фон Сакров, высоко поднял брови и со свойственной ему деловитостью перешел прямо к делу. — Насколько я вас понял, — сказал он, — монхенский полицей-президиум желает, чтобы при исполнении вашего гимна присутствовал покойный канцлер Адольф Гитлер!

— Да, — прошептал генерал. — У американской оккупационной администрации на этот счет возмущения нет, — сказала Макпаттерсон. — Я не вижу здесь никакого расхождения.

— Так-то так, — печально промолвил фон Сакров. — Вещь очень сложная, так как, как вы сами

изволили заметить, Адольф Гитлер — покойник. А гимн союза, особенно браунриный марш, — это вещь необходимая, я бы сказал, по тактико-стратегическим соображениям. Такой союз, как наш, без марша все равно, что кобыла без шпор. Если бы нам хотя бы бюст... С траурным флером...

Генерал фон Сакров не в состоянии был договорить, так возмущала его трагедия союза «Хранители заветов». Под монументом у него показалась слеза и медленно скатилась в папильяницу. — Бюст! — с интересом произнес Макпаттерсон. — Мне кажется, что вы об этом не упоминали...

Генерал фон Сакров молча выложил перемычку союза «Хранители заветов» с доктором Прасом, переведенную на английский язык и заверенную нотариусом. И мистер Макпаттерсон погрузился в чтение.

— «In effigie», — спросил он, — что это такое!

— А что это знает, — сказала генерал фон Сакров.

Мистер Макпаттерсон вдруг задумался. Он бросил взгляд на фотографию своего брата Динизла Макпаттерсона, висевшую на противоположной стене, и стал проглядывать несколько больший интерес к своему гостю. Он подвинул к себе настольный бюст и спросил:

— Сколько филиалов у вашего союза?

— Пять тысяч, — наугад сказал генерал фон Сакров.

Мистер Макпаттерсон поглядел на него долгим взглядом и сказал:

— Мы пришли сюда, чтобы научить немцев демократии...

— Да вот! — ответил генерал фон Сакров.

— Демократия — жена моя, мечтательно сказала мистер Макпаттерсон. — Знаете ли вы это?

— Мою жену звать Германиа, — сказал генерал фон Сакров.

— Сколько бюстов Адольфа Гитлера могли бы вы взять? — сказал мистер Макпаттерсон.

— Мы!

— Да, вы.

— «Хранители заветов»!

— Да.

— Пять тысяч, — не без осторожности произнес генерал фон Сакров.

— Дюсть, — сказал мистер Макпаттерсон. — Самой высококачественной работы — по сто долларов за штуку. Made in USA. — Ничего не выйдет, — сокру-

! Так точно (нем).

шено проговорил генерал фон Сакров. — Наш союз беден.

— Вы получите комиссионные.

— Скольго!

— Дюсть!

— Двадцать!

— Двадцать с половиной.

Они ударили по рукам.

Генералу фон Сакров пришла в голову такая идея, что каждый филиал союза «Хранители заветов» мог бы также приобрести и его собственный бюст, который стоял бы в левом углу зала, в то время как бюст фюрера, покрытый флером, занимал бы правый угол.

— Мы пришли сюда, чтобы научить вас демократии, — сказала мистер Макпаттерсон. — Чем, собственно говоря, думает этот человек? Черт побери! В Германии существует свобода слова, и каждый может петь, что захочет. В этот закон необходимо внести поправки. Вы говорите, его фамилия Прас!

Сразу же после этого разговора мистер Макпаттерсон послал телеграмму своему брату в Вашингтон. Текст телеграммы был таков: «Прийма заказ десять тысяч бюстов Адольфа Гитлера по сто долларов тик. Десять тысяч бюстов Сакров тик. Фотографии высылаю тик. Подарюлю тик».

На следующий день доктор Прас был уволен по неспособности и за подавление демократических принципов.

Во всех филиалах союза «Хранители заветов» был торжественно исполнен гимн «Баденвейлер» с применением, что бюсты Адольфа Гитлера и генерала фон Сакров будут со временем установлены. Надежным членам было выдано оружие, и в лесах началась военная подготовка. А в длинных очередях безработных, стоявших перед биржами труда, время от времени стал появляться человек в засаленной шляпе и

поношеном старомодном пальто. Он хватает своих случайных соседей за плечи и устанавливает гофосонет!

— Послушайте, любезнейший, известно ли вам, что таков юридическая непрерывность действия законов? Не найдется ли у вас случайно сигарета!

Перевод с чешского
Е. БРАНДИН

Русский стиль

Подводя итоги прошлого зимнего сезона, зарубежные спортивные обозреватели с тревогой писали о том, что советские конькобежцы одерживают победы, так как бегают своим, особым стилем, который намного отличается от норвежского, признанного почти во всех странах мира. Не в этом ли русском стиле, спрашивали знатоки конькобежного спорта, заключен секрет небывалых успехов советских спортсменов, которые вышли победителями в соревнованиях на первенство мира и Европы и обновили большинство мировых рекордов!

А вскоре газеты сообщили о том, что руководители Норвежского союза конькобежцев решили начать обучение молодых скороходов русской технике бега, так как она оказалась самой совершенной.

Все эти признания особенно ценны потому, что еще три года назад на Западе весьма скептически относились к попыткам советских скороходов побить мировые рекорды. Зарубежные специалисты считали, что добиться выдающихся результатов может только спортсмен, владеющий норвежским стилем бега.

Однако здесь необходимо напомнить, что первым победителем первенства мира был не кто иной, как русский спортсмен Александр Паншин. Еще в 1888 году он доказал, что русские бегают на коньках по-своему, что их стиль превосходит норвежский. Русский скороход бегал уверенно и красиво.

Он одним из первых стал во время бега держать руки за спиной, а не на груди, как норвежские спортсмены.

Русский стиль непрерывно улучшался, совершенствовался. Высокое умение показал и москвич Николай Седов, завоевавший в 1906 году звание чемпиона мира. Его бег отличался эластичностью, упругостью толчка, продолжительным нажатом. Однако Седов не достиг еще того мастерства в беге на короткие дистанции, которое несколько позже в совершенстве овладел его земляк Николай Струнников.

Чемпион мира и Европы 1910 и 1911 годов Струнников оконча-

тельно утвердил классический русский стиль скоростного бега на коньках—низкую посадку, узкую олонку следов, плавный толчок, продолжительный накат после толчка. Его движения были скруты и экономичны.

В условиях царской России не долго блистала талант мирового чемпиона. Как известно, Струнников был лишен возможности поехать на очередное первенство мира из-за недостатка средств. А вскоре он совсем перестал вы-

ровая война, и двадцатидвухлетнего чемпиона poslali на фронт.

Наш молодой советский спорт вошел в историю создания русского стиля немало новых имен. В их числе прежде всего нужно назвать имя Якова Мельникова, неоднократно побеждавшего прославленных зарубежных чемпионов, в том числе и четырехкратного чемпиона мира норвежца И. Балагрудта. Мельников принес в русский стиль, помимо блестя-

корпусом, на круто согнутых в конных ногах. Благодаря этому их шаг был широким, плавным. На поворотах оба сильно наклонили корпус внутрь круга, что необходимо для удержания огромной скорости, развешиваемой конькобежцами.

Впоследствии Анкианов стал тренером Исаковой. Результат их совместной творческой работы известен — трехкратное первенство мира, завоеванное Марией Исаковой.

Вместе с Анкиановым в борьбу за всесоюзное первенство вступили дестяко молодых конькобежцев из различных городов и областей страны. Неожиданно для всех скоростью из Вологды Константин Кудрявцев установил рекорд на самой короткой дистанции—500 метров. Он пробежал это расстояние за невиданно короткое время—43,9 секунды. Выступил Кудрявцев ознаменовало собой своеобразный переворот в технике бега на короткие дистанции. Для него были характерны нетерпеливость в движениях на прямой и исключительная частота перебежки на поворотах. Будучи неоднократным чемпионом СССР, Кудрявцев довела свой рекорд до 42 секунд — результата, который на летках Москвы до сих пор не побит.

За те годы и на длинных дистанциях были внесены существенные поправки в стиль русских конькобежцев. Горьковичанин Евгений Лещуров освоил бесшумный толчок, который является отличительной особенностью современной техники скоростного бега. Он же впервые применил новую методику тренировки — повторное прохождение отрезков дистанции на предельной скорости.

Воина на время задержала рост мастерства советских конькобежцев. Однако в первых же послевоенных международных соревнованиях наши конькобежцы вновь продемонстрировали высокую технику, выносливость, неуязвимость к победе. Ленинградец Николай Петров, выступая в Норвегии, побил не только всесоюзные рекорды на длинных дистанциях, но и улучшил рекорды катка в городе Тронхейме. Технику бега Петрова знатоки конькобежного

Конькобежцы Константин Кудрявцев и Юрий Головачев.

ступать на ледяной дорожке. Но стиль русского чемпиона был развит и улучшен молодыми скороходами, пришедшими ему на смену.

В 1913 году на первенстве Европы молодой москвич Василий Иполитов победил неоднократного чемпиона мира норвежца О. Матисена. В манере Иполитова основными особенностями являлись широкий шаг, эластичность толчка и отбеглая пластика движений. Он бегал с низко опущенным корпусом, именно так бегают теперь современные конькобежцы.

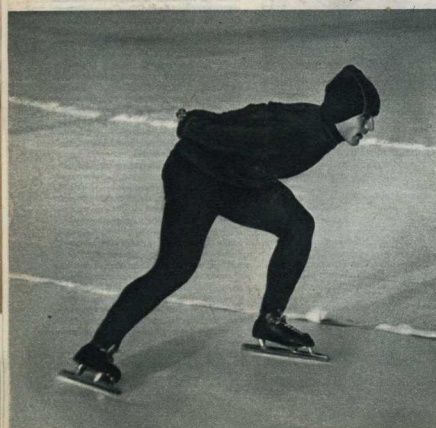
К сожалению, Иполитов занимался конькобежным спортом еще меньше, чем Струнников: в 1914 году начался первая ми-

щей техники, новые элементы, сыгравшие немалую роль в успехе всего советского спорта. Высокие моральные качества — огромная воля к победе, настойчивость в достижении цели, умение преодолевать любые трудности, благородное отношение к соперникам — стали неотъемлемыми для любого советского спортсмена.

Спорт — удел молодых. Как ни силен был Мельников, ему пришлось уступить первенство молодому москвичу Ивану Анкианову. Стиль бега этого конькобежца стремился освоить многие молодые скороходы. Лучшие всех удалось это сделать конькобежцу из города Кирова Марии Исаковой. Оба бегали с низко опущенным

На снимках сверху вниз: Римма Жукова, Людмила Селихова и Олег Гончаренко.

спорта в Норвегии признали «неэкономичной», настолько она отличалась от привычного им стиля их соотечественников.

Если советские конькобежцы-мужчины прозваны на норвежском языке «платино», то беги наших конькобежцев был для них ошеломляющим. Советские спортсмены побили рекорды «самоу Лейла» — обладательницы всех мировых рекордов по конькам для женщин, норвежки Л. Шю-Нильсен. Новую рекордсменку мира, русскую конькобежку Татьяну Карелину, норвежки прозвали «уральской молнией».

Советские женщины в последние годы постоянно побеждали в мировых чемпионатах. Чемпионка мира Мария Исакова, Людмила Селихова, Халиде Шагалева, обладательницами мировых рекордов Римме Жуковой, Софье Кондаковой свойственны различные манеры бега. Но в то же время для них всех типичен русский стиль бега, выработанный многими поколениями конькобежцев нашей страны.

В 1948 году на мировом первенстве в Финляндии наши конькобежцы пришлось испытать горькое поражение. Произошло это главным образом потому, что в составе советской команды почти не было молодых скороходов.

Перелом наступил только тогда, когда вышел на лед целый ряд молодых спортсменов, вооруженных новой техникой, зоблито переданной им конькобежцами старшего поколения. Вместе с техникой молодежи усвоила и традиции советского спорта — патриотизм, волю к победе, настойчивость.

До войны в технике скороходов преобладали силовые движения, необходимые при бегах по тяжелому льду наших катков, в неблагоприятных климатических условиях русской зимы. В последующие годы для улучшения скольжения был применен новый отечественный способ подготовки льда — шифровка горечей лодой. Теперь поверхность льда на наших катках стала значительно лучше поверхности норвежских

КОНЬКОБЕЖНАЯ АРИФМЕТИКА

Конькобежец — Е. Шилков завоевал три почетных звания: чемпион мира, Европы и СССР.

Три приза — главный счет! Шилкову ставим «пять». Кто взял три приза, тот и пять сумеет взять.

В. ГРАНОВ, М. ПУСТЫНИН

катков. Благодаря этому в стиле русских конькобежцев появились новые элементы — легкость и красота движений.

Однако для достижения рекордных результатов на ледяной дорожке нужны еще особые климатические условия. Особенно удобны для конькобежцев условия высокогорной местности: разреженный воздух, ясная погода, мягкая, без поторонних прилесей вода горных рек.

В 1951 году около Алма-Аты был построен первый в нашей стране консулат строительства Константин Курдрязцев обмочил лед на новом катке блестящими рекордами СССР. Дистанцию 1500 метров он пробежал за 2 минуты 16,4 секунды. Но это был последний рекорд «старого мастера» высоких скоростей. В следующем сезоне здесь ставились новые рекорды молодыми скороходами. Москвич Юрий Сергеев установил рекорд в бегах на 500 метров. За Сергеевым выступили и другие конькобежцы: Б. Березин, Е. Гришин, П. Белзев, Н. Мамонтов, В. Чайкин не раз улучшали мировые рекорды. Но, пожалуй, самым знаменательным было выступление первоурздинка из Ленинграда Бориса Шилкова. В бегах на 1500 метров он показал время, равное мировому рекорду.

Последний круг дистанции молодой спортсмен прошел на огромной скорости. Именно в этом проявилась еще одна новая черта советского стиля — стремительный финиш.

Речные конькобежцы повышали свое мастерство, бера за основу длинные дистанции. Советские скороходы стали в первую очередь совершенствовать технику бега на коротких дистанциях и уже потом переходить на длинные. Это имело смысл, так как при современном уровне рекордов главная задача состоит в том, чтобы добиться высокой скорости. Теперь советские скороходы пробегают 1500 метров с такой же и даже большей скоростью, как раньше проходили 500 метров. А 5 тысяч и 10 тысяч метров бегают в темпе, какой раньше был на дистанции в 3 тысячи метров.

Исход борьбы за первенство в многоборье, а в конечном счете решают длинные дистанции. Здесь особенно заметно, кто из скороходов бежит легко, а кто преодолевает расстояние с большим трудом. К числу конькобежцев, отличающихся «легкостью» хода, принадлежит чемпион мира ленин-

градцев Борис Шилков. В технике бега этого спортсмена как бы собрано все, что лучше, что было до него продемонстрировано отдельными русскими скороходами.

Однако главная заслуга Шилкова заключается в том, что он определил новое в технику бега новое, присущее только ему особенности стиля — чрезвычайную силу движений, полное использование толчка. Как всем достоянием манеры Шилкова прибавляется также и красота движений во время бега на самых различных дистанциях.

Но не только Шилков представляет собой образец спортсмена, владеющего русским стилем. У чемпиона мира 1953 года Олега Гончаренко простор широк шаг, боковой шаг. Манера Евгения Гришина отличается легкостью и красотой. К бегу Гришина особенно относится определение «элегантный», которым охарактеризовали многократный специалитет русский стиль. Высокой техникой бега обладают и молодые конькобежцы Ю. Кислова, А. Павлов, Д. Сакуженко, А. Титов и многие другие.

Хорошей техникой, тактикой, тренированности спортсмена еще недостаточно для достижения победы в таких крупных соревнованиях, как первенство мира и Европы. Здесь необходимо, кроме того, выдержка, упорство.

Ведь почти всегда на международных соревнованиях спортсмену приходится выступать в сложных условиях.

Но наши конькобежцы показали всему миру, что они могут победить в любых условиях и при сильном морозе — в Москве, и на чужом льду, при оттепели — в Японии, и в высокогорных условиях — на швейцарском катке в Давосе, и, наконец, в стране конькобежного спорта — Норвегии, где спортсменам скороходам пришлось бежать на очень загрязненном льду.

Любовь к своей Родине, высокое чувство долга были животворной силой, помогавшей нашим спортсменам выигрывать труднейшие соревнования.

И всюду советские конькобежцы, прославляя свою Родину, показывая лучшей в мире стиль бега на коньках, завоевывали всеобщее признание. Недаром русские скороходы в Салппоро, Давосе и Осло в знак преклонения несли на руках самые тяжелые зарубежные скороходы.

И. ИПОЛИТОВ, заслуженный мастер спорта СССР.

Студентки Саратовского педагогического института Гаяя Ка-
лашниковна и Вали Абулфрейева на лыжной прогулке за городом.

фото И. П о л о в а.

НА СЦЕНЕ РАБОЧЕГО КЛУБА

С большим успехом идет на сцене орехово-зубовского Дворца культуры спектакль «Равлом», поставленный силами рабочей художественной самодеятельности. Полная революционной романтики пьеса Бориса Лаврентова, помещенная о славном подвиге матросов крейсера «Заря», приведших на помощь восставшим рабочим Питера, увлекла всех участников драматического коллектива.

Нельзя трудностей преодолел коллектив, готовя этот спектакль. Ведь некоторые участники спектакля впервые пришли на сцену, им не хватало опыта, умения создавать выразительный образ. Но художественный руководитель Дворца культуры Иван Игнатьевич Логинов терпеливо занимался с начинающими артистами, по долгу репетировал каждый эпизод (снимок сверху).

Нельзя сказать роль коммандира Владимир Банеев, работающий помощником мастера на второй бумагопрядильной фабрике. Вот он перед началом спектакля привинуется, прилаживает березку, прищипывает усы (снимок внизу).

Успеху спектакля способствовала не только хорошая, вдумчивая игра артистов. Немалую долю труда внесли в общее дело и художники — члены ансамбля Дворца культуры (снимок слева).

Фото А. Уалина.

БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ

Дома лежали в щелбе и в пыли —
Шестое октября.
Землетрясение.
Ударила гроза из-под земли.
И город стал руинами в мгновение.
Зловещая прикрыла землю тень,—
Вовеки не забудем этот день.

Увидел я людей богатырями:
Грозу такую бросить в океан —
Зальет волнами он немало стран.
Но все ж она не совлада с нами.
Коль в небосклон ударила б гроза,
Упали бы на землю небеса...
Увидел я людей богатырями!

Стоят передо мной картины эти:
И тишина внезапных пустырей,
И пыль стеной,
И плачущие дети,
И горестные слезы матерей,
И воздух, сдавливающий дыханье,
И стройные еще недавно здания,
Лежащие
Без жизни, без огня,
Дымящимися грудями камней...

И преданность и дружбу провереешь
В такие дни...
Средь падающих стен
На позалы товарища товарищ,
Туркмена — русский,
Русского — туркмен.

Не растерялись мы перед грозойю.
Глядели, не боясь, в лицо грозе.
Курбан
Из-под обломков вынес
Зою,
Иван
Из-под обломков спас
Гюзель.

Во имя жизни смерть перешагнули,
На выручку друг другу торопясь.
И свет погас,
И связь оборвалась.
Не так ли мы когда-то шли под пули,
Во имя жизни смерть перешагнули!

Подкрался незамеченным рассвет.
Он показался, как закат, печален.
Мы увидали:
Ашхабада нет,
Есть только груды пепла и развалин.

Здесь, по земле, прошла сама беда.
Но там, где шелестели листья сада,
На пьедестале
Выше, чем всегда,
Ильич стоял над пеплом Ашхабада.

Земля, земля...
Стоял над нею вождь
И видел все:
Детей осиротевших,
Дымок кирпичный,
Пыльных листьев дрожь,
Как будто траур в этот час надевших.

Над гротом
И тишь городской
И ласково
И командирски строго
Он каждому простертою рукой
Уверенно указывая дорогу.

Со звонкой бронзы сыпалась пыльца.
Стоял Ильич,
И жалился на рассвете
К нему,
Ища защиты у отца,
Отцов своих лишившиеся дети.

По улицам клубились тучи пыли.
Любой карниз и камень нес беду.
Но те, что возле памятника были,
Остались живы в ленинском саду.
Остуда шли
И возвращались снова.
Сюда любой с надеждой приходил,
И сквер напоминал в тот час суровый
Штаб боевой,
Где Ленин — командир.

Он направлял и подаял и работу
Среди слепой разверзшейся земли.
Отсюда разносили хлеб и воду,
К его подножью
Раненых несли.

Когда везде еще кирпич дымился,
Когда из неси подвездов и ворот
Еще несли носилки,
Появился
Над Ашхабадом первый самолет.

Затем из тучи вынырнул неожиданно
Второй
И третий — в море синевы.
Продукты привезли из Казахстана,
И прибыли лекарства из Москвы.

И докторов прислал Таджикистан,
И мастеров прислал Узбекистан.
Приехали Киргизии посланцы,
Грузини, москвичи, азербайджанцы.

Сюда,
Небесный борозда простор,
Где под крылом развалины темнели,
Посланцы всех пятнадцати сестер
Шестнадцатой на помощь подоспели.

Казалось, что собрался весь народ
Над горестной землей Туркменистана.
Москвичка пригубила сирот,
Украинка перевязала раны.

А Ленин,
Руку простирая вамся,
Всех направляя уверенно и мудро.
У памятника Ленину сошлись
Народы в то нерадостное утро...

Еще тогда,
Еще в пыли седой,
Что, оседа, сыпалась за ворот,
Он с вышины увидел
Молодой,
Неумерший,
Из пепла австаший город.

Прошли недели, месяцы, года.
Вновь поднят город стройною упорной.
И отступила страшная беда,
Как будто скрылась за грядкою горной.

Все победы неистребимый труд.
Строения поднимаются над нами.
Вновь улицами
Улицы зовут,
Становятся опять дома
Домами.

И снова сад
Веселым садом стал.
Ильич глядит вокруг отцовским взором.
Под ним, как прежде, яркий пьедестал —
В орнаментах ковровых и узорах.

И Лени солнце руку подает,
Уже на бронзе ни следа печали,
Позолотил лицо его восход.
Как будто бы
Два солнца повстречались.

Перевел с туркменского
Анисим КРОНГАУЗ

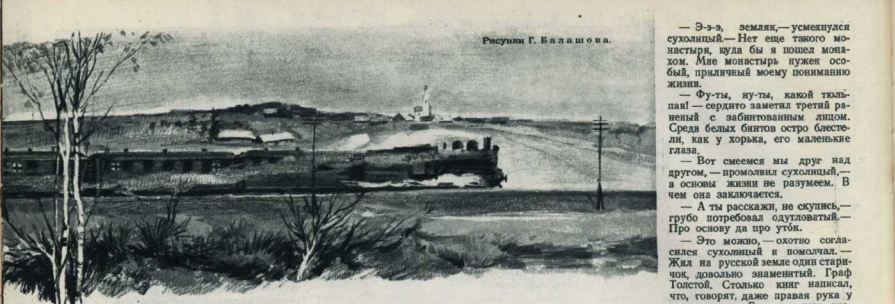

Рисунок Г. Балашова.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

САНИТАР

(Главы из автобиографической повести «Беспокойная конюшня»)

СОРОК ВОСЕМЬ ДВЕРЕЙ

В октябре 1914 года я уволился с московского трамвая и поступил санитаром на тыловую военно-санитарный поезд «Союза городов».

В армию меня не призвали потому, что я был младшим сыном в семье, безоблеченно по близкому кругу, и кроме того, числясь студентом Московского университета.

Почти все санитары тылового поезда были добровольцами-студентами. Мы носили солдатскую форму, но нам разрешили оставить студенческие фуражки. Это обстоятельство много раз спасало нас от грубости и «шуканья» военных командов.

У каждого из нас, санитаров, был свой пассажирский вагон на сорок раненых. Делою чести считалось «приванить» свой вагон до корабельного блеска, до такой чистоты, чтобы старший врач, член Государственной думы Покровский, осматривая леру очерченным рейсом, только удивлялся бы в свою русую спешалку и ничего не сказал. А Покровский был строг и насмешлив.

Я боялся первого рейса. Я не знал, справлюсь ли с тем, чтобы обслужить сорок человек лежачих раненых. Сестер у нас на поезде было мало. Поэтому мы, простые санитары, должны были не только обмыть, иванить и накормить всех раненых, но и проследить за их температурой, за состоянием перевозок и во-время дать всем лекарства.

Первый же рейс обнаружил, что самое трудное дело — это кормление раненых. Вакнухи был от меня далеко. Приходилось тащить два полных ведра с горячими пшени или с кашлатом через сорок, восемь дверей. Тем санитарам, вагоны которых были около кухни, приходилось отворять и захлопывать за собой всего каких-нибудь десять — пятнадцать дверей. Мы их считали счастливчиками и завидовали им.

Первое время эти сорок восемь дверей привалили меня в отчаяние. Были двери обыкновенные, открывавшиеся внутрь, и были двери выдвижные — в вагонах туберкул. Каждую дверь нужно было открыть и закрыть, а для этого поворачивать на пол полного ведра и стараться ничего не рвануть. Поезд шел быстро. Его качало и заносило на стрелках, и может быть, в одну минуту паровозик куда-то в сторону, я не любил до сих пор.

Кроме того, надо было торопиться, чтобы не остыли щи или чай, особенно зимой, когда на обледенелых открытых переходах из вагона в вагон выли, издеваясь над нами, ледяной ветер и ничего не стоило поскользнуться и полететь под колеса.

Если к этому прибавить, что ходить в кухню нужно было не меньше двенадцать раз в день (за хлебом и посудой, за чаем, за мясом, за кашей, потом с грязной посудой и ведрами и так далее), то станет ясно, как мы прожинали того, давно уже мирно почившего изобретателя, который придумал в каждом вагоне не меньше шести, а то и все восемь дверей.

Мы благодарили небо, когда время кормления раненых совпадало со станкой. Тогда мы высказывали со своими ведрами из вагонов и мчались вдоль поезда по твердой земле, а не по вяляющемуся вагонному полу.

Многие раненые не могли есть сами. Их приходилось кормить и поить. Утром мы обмывали раненых, а после этого мыли в вагоне полы легким раствором карболки.

Только вечером после ужина можно было немного передохнуть, да и то начиналась вечная возня со свечами и жестяными вагонных фонарях. Свечи или гасли, или кривились, или вдруг начинали пылать пышиными факелами. А на площадках свечи у нас постоянно воровали свинцы из поездной бригады, носатель и коротконогий, получивший за эту свою особенность прозвище «Свечное рыло».

Но в конце концов все это были пустяки. Я боялся первого рейса не из-за этих трудностей. Была одна трудность более сложная, о которой вдумали все санитары. Тяжело было остаться с глазу на глаз с соркой искалеченными людьми, особенно нам, юношам, освобожденным от солдатской службы. Мы боялись васнекн, сирвадального возмущения людоей, призывавших на свои плечи всю тягость и опасность войны, тогда как мы, молодые и в большинстве здоровые люди, жили в безопасности, не теряя никаких лишений.

Во время первого рейса мне было повалачу просто некогда разговаривать с ранеными и прислушиваться к их словам. К ночи наконец все затихло. Я немого посидел у себя в отделении, покурив, поглядя в окно. Там просеялись, переворачиваясь на вагоны, как белые стражи, полоски света от фонарей, какал-то станция. Потом снова за окнами под стук колес помчалась ночь и дражащие огни затерянных в полях деревень.

— Санитар! — крикнул из вагона криплативый требовательный голос. — А, санитар!

Я вскочил и пошел по вагону. Звал меня раненый с коричневым одутловатым лицом.

— Спишь, клявистрин? — спросил от меня спокойно, без насмешки. — Тебе спать не полагаются по должности. Дай попить.

— Спать всем полагается, — примирительно сказал с соседней койки раненый с реденькой борошкой и сухим лицом. Говорил он высоким мальчишеским голосом. — Иноу вечным спом, а иноу несомвременным.

— Ты что ж, монашествующий, что ли? — насмешливо спросил его одутловатый.

— Э-э-э, земляк, — усмехнулся сухолицый. — Нет еще такого монастыря, куда бы я пошел монахом. Мне монастырь нужен особый, приличный моему пониманию жизни.

— Ну-ты, ну-ты, какой тылав! — сердито заметал третий раненый с забитоганым лицом. Среди белых бинтов остро блеснули, как у хорька, его маленькие глаза.

— Вот смеемся мы друг над другом, — промолвил сухолицый, — а основой жизни не разумею. В чем она заключается.

— А ты расскажи, не скучнее, — грубо потребовал одутловатый. — Про основу да про уют.

— Это можно, — охотно согласился сухолицый и помолчал. — Жил на русской земле один старикоч, довольно знаменитый. Граф Толстой. Столько книг написал, что, говорят, даже правая рука у него выросла. Болела у него, значит, рука, и держал он ее навсегда за дощечку.

— Уж как замечает что — иль рука, иль нога, — так нет хуже, — согласился одутловатый, с трудом подвинулся на койке и сказал мне: — Да ты садись, санитар. Разбудил я тебя, так хоть поспай с нами, покушай.

— Беспробудь, будить человека тоже нежелан, — заметил из глубины вагона сонный голос. — От того кровь киснет.

— А ты помолчи — прикрикнул одутловатый. — Дай людям покурить.

— Да-а, — сказал сухолицый и облизнул тонкие губы. — И звали старика Лев. Надо было, правильно звали. Потому сила в нем, передают, была прямо львиная. В мыслях, конечно, в разуме, а в теле у него ничего не было, даже росточку он был незаметного. Да,

так вот, значит, жила у нас в посаде один маляр по прозвищу Колер. Прозвищю у него с тем графом Толстым случайное столкновение. Не то, чтобы столкновение, а простой разговор. Сидит это однажды Колер на переселочной станин, бог весть как, одним словом, где-то поближе Москвы, сидит немые ступ, дожидается поезда, а кругом лето, пыль, и станция безлюдная. И появляется на той станин граф Толстой и тоже дожидается поезда. Ну, поинтню, разговорился, кто куда едет. Колер говорит: «Я, — говорит, — пробирюсь а южный город Одессу, потому что малярничать в десневых метрах мне постыло». «Это почему же?» — спра-

шивает его Толстой. «А потому», — отвечает Колер, — что здесь дома в темные колера красят, а там — в светлые. А это не в пример веселей. Там дом покрашен, скажем, обыкновенным мелом — вредной его воздух в тех местах только чистым и хорошо проветривается, так он стоит, тот дом промек неба и моря, как белоцветный ирисный камень. И такой становится легкий, будто строила его воздушными перстами райские житеи». «Никакого рай нет», — говорит Толстой Колеву и смеется, но смеется эдак серьезно. «Да и я сам знаю, что вету», — отвечает Колер. «Это я к слову для нашей беседы. А вы куда изволите ехать, если не секрет?» «А ехать это секрет?» — спрашивает его Толстой. «Ежели секрет, тогда прошу прощения. Я человек силовый». Обидя его старик за плечи, потрелал и говорит: «Вот то-то и видно, что силовый. Ишь», — говорит, — гордый какой! Да ты», — говорит, — худощавый, и сам это отлично понимаешь. Вот так, как жил», — говорит, — так и жить для благорасположения людей. В этом правда. А что до меня, то я ишу по России ах, чтобы ты ни на есть тыщивший сивт, ужбиже, чтобы так пожить и свою оставшую квинту написать без уводных забот». «Про что же может быть такая ваша квинта?» — спрашивает Колер. «Простите мне еще раз мое невежество». «Про все, что есть хорошего на свете и что мне на этом свете удалось повидать», — отвечает ему старик. «Затруднительная работа», — замечает в ответ Колер. «Поскольку выбор большой. Одних колеров хороших — и то десятн. Так как же вы про все хорошее в жизни напишете?» «Что угодно, то и напишу. Сначала про то, как живет старик в избе у реки, каждое утро выходит на порожки и видит, как в росе купаются овсянки. И думает: скожу-ка я нынче в лес за бруслиной можже, наберу полведра лукошко, может, и не беру, а дугу под сосной и уполкоюсь вечным сном. По преклонному возрасту своему. И все равно — и так, и эдак, как бы ни случилось, как ни кинь, а все благо — и стоять остается еще на это время, с другой стороны, уступит место молодым. Сам я много пожил и порадовался, так теперь пусть и другие вместо меня поживут и порадуются». «Ну нет!» — говорит Колер. «Этого я не понимаю такого разговора. Мальчик, правда, когда шла из-под дуганка летит или, скажем, краска ложится ровно, как водяная гладь. Я», — говорит, — в работе главную радость ощущаю. И ваши слова, Лев Николаевич, мне ни к...»

«Верно! — радостно сказал раненый с забинтованным лицом. — Работей свое мир стоит. И человек рабочий — миру основа. Ты вот свое отработай, тогда и любуйся. Росой там или осенней, чем желательнее».

«Толстой свое отработал бо все», — сказал из глубины вагона сонный голос. — Я его порядочно почитал.

«Правильно! — неожиданно закричал одуванчатый. — Я, к примеру, возьму комок земли перед пашней, развору, поворожу и помню, как сама себя в этой земле будет держать, как в ней сырость и хватит ли той сырости, чтобы колос сполна напиться...»

«Чего шуметь», — снова сказал из глубины вагона тот же сонный голос. — Колер-то твой, может, все набрался. Мальчик, правда, за себя. Одно жалко, что не написал Лев Толстой ту книгу про все хорошее на свете. Вот бы мы почитали!»

«Санитар! — неожиданно прикрикнул раненый, пробормотавшим голосом одуванчатый. — Сими занесу!» Утро уже на дворе. Утро поглядеть, что там за окошком. Скоро наши костромские края.

Раннее замолчали. Я поднял суровую подлинную завязку. Впервые после Клева, после веза и уюта за своим вагоном оспирно северную Россию. Она туманно возмолдла до самого горизонта березовыми рошми, палящими, безымянными известными реками. Тут и мчался, облобавная паром сторожевые будки.

И никогда еще не видел такой осы, такой ясности небес, локмоти воздуха, себертской бжески от волоков паутини, оврагов, поросших красным шившем, пругом, где просвечивает светлая дуга, сияния мистических далей, розоватой и нежной грады облаков, за-

стываия во влажной потру небесной голубизне...

Я так засмотрелся, что не сразу почувствовал тяжесть у себя на спине. Одуванчатый поволок мне на плечо будто налитую чугуном руку, приподнял и пристально смотрел за окно.

«Ээ, браток, ты мой мила-а-а-а!» — сказал он иррасно. — Несла бы и эту землю боским, попил бы чайку в каждой избе. Так вот незадача. Не на чем мне нынче ходить.

Я оглянулся и увидел под каждым из равногого туго забинтованную культю от ампутированной ноги.

Поезд плавно несся среди росеяных холмов. Паровоз дурно звучал как радостно, будто он был гашаишем счастливой долгожданной вези.

«Эх!» — добавил раненый. — Мучим мы прямо и женным и материнским слезам. Хотя не возмужай! Так этого пельзя. Никак нельзя, браток!

РОССИЯ В СНЕГАХ

На тыловом санитарном поезде мы сделали несколько рейсов из Москвы в разные города Средней России. Мы были в Ярославле, Иваново-Вознесенске, Самаре, Арамасе, Казани, Симбирске, Саратове, Тамбове и в некоторых других.

Города эти все почему-то плохо запомнились. Города лучше я помню небольшие станции вроде какого-нибудь Сызгана Барзского, отдельные деревни, особенно одну, занесенную снегом, ябу вышедшую в такой степи, что я даже томком не знаю, в какой это было губернии — Кавказской ли, Тамбовской или Пензенской.

Я до сих пор помню эту избу и высокого старика извольном плути, вахнутому на костлявые плечи. Он вышел из задней двери, придерживая ее рукой, долго смотрел на длинный поезд с красными крестами на стевках вагонов. Со стрехи на косматуго голову старика выпал снег меленько.

Была зима. Россия лежала в снегах. Когда мы были равешны, я ничего не замечал вокруг: было не до этого. Но во время обратного рейса каждый санитар оставался один в своем выломанном и пустом вагоне, и времени для того, чтобы посмотреть за окна, читать и отсыпаться, было сколько угодно.

От этих обратных рейсов ослось воспоминание, как о сплюснутых снегах, их белине, зашвырянной своим снегом вагон, в своем, голубиного цвета, низко нависшем небе. На память все времена приходил глеч-то проританные стихи: «Страна, которая молчит все в белом-белом, как новоборачка, одетая в покров». И в эти дни, выходя с этими снегами и стихами бесконечные коньки и халаты сестер, когда они по утрам обходили поезд.

Сызан Барзский. Я запомнил эту станицу из-за одного чудного случая. Мы простояли на ней на длинном столе, покрытом клеенкой. К утру поезд сильно зашелестел снегом. Я пошел со своим соседом по вагону добродушным увальнем Николаевым Рудыным — студентом Петровской сельхозинженерной академии — в козальский буфет купить баранок.

Как всегда после выезда, воздух был произительно чист и крепок. В буфете было пусто. Пожелтение от холода шестя горелыми стояли на длинном столе, покрытом клеенкой. Около двери висел жалкий, измороженный горного козла на снеговых вершинах Кавказа. Под козлом было написано: «Пейте коньяк Сардиневна». Пахло горелым лугом и кофе.

Курносая подальница была в форме поверх кацавейки сидела, пригрозившая, за столом и смотрела на мальчика с земистым лицом. Шел у мальчика была длинная, прозрачная и встергата до крови воротом армяк. Редкие длинные волосы падали на лоб.

Мальчик подкал под стол ноги в оттаивших опорах, под ялч из глиняной кружки. Он отламывал от лимца ржаного хлеба большие куски, потом собирал со стола крошки и высыпал их себе в рот.

Мы купили баранок, сели к столу и заказали чай. За домашней перегородкой буфетка закипавший самовар.

Курносая подальница принесла нам чай с вольми ломтиками лимона, кинула на мальчика в армяк и сказала:

«Я его всегда покормлю. От себя, а не от буфета». Он молчаливо потягивал. По поезду, мы шли вагоном.

Мальчик выпил чай, перевернул кружку, встал, перекрестился на рекламу сардинского коньяка, неестественно выгнувшись, и, глядя остановившимися глазами за широко раскрытыми окнами вагона, он, очевидно, чтобы отблагодарить сдержанному подальнице. Буд высоким, скорбным голосом, и в ту пору несая этого мальчика оказалась мне лучшим выражением силчй деревенской России. Из слов его песни я запомнил очень немного.

«...Скорюши ее во зимор бору, выскочил срам бору под колодой, под колодой, под дубовою...»

Я незвольно перевел взгляд туда, куда смотрел мальчик. Снеговая дорога сбегала в овраг между зашвыряемых кустов орешника. За оврагом, за соломенным крыльцом овинок висел струйками к серенькому астенциному ибу дым из русских печей. Тоска была в глазах у мальчика, тоска по такой вот косяк избе, которой у него нет, по широким залам под стенами, по трещинам и склепаному бумажной ошкору, по залузу горячего ржаного хлеба с пригоревшими к нему уголкам.

Я подумал, как loneliness, в конце концов, нужно человеку для счастья, когда счастья нет, и как много нужно, как только оно появляется.

С тех пор я подолгу жила в деревенских избах и полюбил бы за тусклый блеск бревчатых стов, валах золы и за их сырость. Она сродни такм знакомым везам, как розлинования вода, дукном из лыка или неваренные цветы картошки.

Вез чувства своей страны — особенно, очень дорогой и милой в каждой ее мелочи — есть настоящего человеческого характера. Это чувство бескористно и выполняет все великим интересом ко всему. Александр Блок написал в давние тяжелые годы:

России, видна Россия.
Мне нибди сниться не вое.
Тыни мне песни ветровые,
Кни слезы первые любви...

Блок был прав, конечно. Особо в своем сражении. Потому что нет ничего человечнее слез от любви, нет ничего, что бы так сильно и сладко разбивало сердце. И нет ничего омерзительнее, чем равнодушье человека к своей стране, ее прошлому, настоящему и будущему, к ее языку, быту, к ее лесам и полям, к ее селениям и яслям, будь они тенили или деревенские сады.

В те годы, во время службы моей на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки. Я как бы растворился в народном разное, среди солдат, рабочих, крестьян, мастеровых.

В те годы Россия представляла передо мной не только в обилие солдат, крестьян, деревень с их скудным достатком и ширрым горем. Первые я увидел многие русские города, и все они слились своими общими чертами в моем сознании и оставили после себя любовь к тому типичному, чем они были наполнены.

Я помню Араамас с плетеными корзинами румяных, крепких яблочек и таким обилием румяных, похожих на эти яблочки куполов, что, казалось, этот город был вышит в золотопшней-вой мастерской руками искусных мастеров.

Нижний-Новгород удирил в лицо пахнущим рогожами вольжским ветром. Это был город русского искового таланта и предприимчивости, отцовых складов, бочек зосола — бывшая перевалочная пристань в истории России.

И Казань с мамляником Державиной, присыпанным снегом. Там, в оперном театре, я, усталый, уснул на галерее на спектакле «Снегурочка», вспоминая сказку сов только что услышанные слова: «Разве для девушек двери заперты, входы заказаны?»

Я проснулся среди ночи. Сторожа схватили меня и отвели в полицейский участок. Там пахло сургучом, и тучный пристав достал протокол «о недовольном мне в театральном зале в вечернее время».

И шел к вокзалу. С Волги летел в лицо снег, и мне было жаль промерзшего незнакомца Державина, гледишего во мрак твердыми бронзовыми глазами.

В Симбирске я тоже был зимней ночью. Весе этот пустынный город был покрыт снегом. Запущенные его сады стояли как бы в оловянной листве.

С Золотого Вена я смотрел на лачугу Волгу, но ничего не увидела, кроме тусклой сверкающей мглы.

Тогда я еще не знал, что Симбирск — родина Ленина. Сейчас мне, конечно, кажется, что везе тогда я видел тот деревянный дом, где Ленин жил в Симбирске. Мне это кажется, может быть, потому, что там много таких теп-

лых домов, бросавших по вечерам свет из окон на узкие тротуары.

В те времена я только знал, что в Симбирске жил Гонимар — ленивый, медлительный человек, владевший почти сказочным даром русского языка. Этот язык живет в его книгах легко, сердечно и сытно.

Саратов показался мне слишком правильно выстроенным и даже скучным. На городе лежал отпечаток зажиточности и порядка. Такое впечатление осталось от главных улиц. Но потом я попал в улицы боковые, в проулки, на

Бабушкин Вязов, где в вихрях сухого снега сгнетали и росли на салазках мальчешки.

Я натался вместе с мальчешками. Мне понравилось, лежа на салазках изюмом, проноситься мимо домишек, пылавших из-за оконных стекол геральдой. И признаться, я позволял обитателям этих домишек.

Потом я был в одном из них.

Мальчишка провел меня к какой-то Софье Тихоновой в один из старых домов попить горячего молока.

Я увидел застекленные сени. На чистом полу кадратрами оконых рам лежал желтый солнечный свет. Во вторых, теплых, сенцах стояла в калде холодная вода. В ней вала деревянный коник. За дверью открывалась горница с бархатными бордюрами занавесками на окнах. Стенные часы с огромными стрелками случали так громко, что надо было ловышать толста, чтобы разговаривать с застевичной старушкой Софией Тихоновой. На столжике у окна, покрытом кружевной скатеркой, лежала толстая папка номеров «Нивы» в голубых бу-

мажных обложках и стояли давным-давно задохшие цветы.

На стене среди фотографий и акварельных картинок, изображающих разные цветы, висела большая, чуть пожелтевшая афиша о спектакле «Дети солнца» Максима Горького.

— Сиди у меня — ватер, — сказала мне Софья Тихоновна. — В петербургском театре. Раз в год летом заезжает он ко мне на неделю к другой, то на пути в Минеральные Воды, то из Минеральных Вод. Вот все время его и жду, прибудавшего.

Я старался представить себе эту жизнь, наполненную одним ожиданием. Должно быть, это была хорошая жизнь, но старушка несла ее легко и безароготно. Все существование, весь ее распорядок были подчинены любви к сыну. Каждая вещь мыслась, перигералась, любилывалась только потому, что за эти милотельные сени дней в длинном году она могла понадобиться сыну. Или он просто взглянет на нее или вадит спросит: «А куда это, мам, делавесь милый кончик или ты крымский камень из Симея, который я вам привез пять лет назад?»

И медный кончик, протертый зубным порошком, сила на своем обычном месте. И плоский крымский камень лежал на стопке «Нивы» — тот знакомый половец России морской голшш с надписью «Привет из Крыма», на котором грубой масляной краской был намавлен кипарис, а за ним — лагереное море с белой крашковой пурпура.

Весной мы были в высоком Курске, как бы запершем до крыш трубами только что распустившихся веток. Знаменитые курские соловьи щекалы, прислушивались к своим себе, в сарках ронца. Ленивая и холодная резонка Тусурок текла в мелках берегах, взрослых желтыми кулаками.

Странный город Курск. Его любят многие, даже никогда в нем не бывшие. Потому что Курск — это предельное тога. Когда из пыльных и тяжелых вагонов скорого поезда Москва — Севастополь открывались на холмах его дома и колокольни, пассажиры знали, что через сутки за окнами вагонов в предугиенном морском тумане розовыми оерами разовлетается цветущий мандалял и о близости «полюденной земли» может быть просто догадаться по яркому свечению горизонта.

Весе вена над Россией. Над военных поваров не доходило до укромных вее городов, где в зарослях чертополоха попискивали щипалата. И потому, может быть, даже это щипачий писк казался очень милым, как давно потерянные и вновь обретенное счастье.

Весе вена над Владимиром на Клязьме, над Тамбовом, над Тверью, куда мы привозили раненых.

Но с каждым новым рейсом мы замечали, что раненые становились все молчаливее, жесточе. Им было тяжело приподнять, как бы задумалась о том, как отразит запасынный удар.

Евгений ЧЕРНЫШЕВ

РАССКАЗ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Как-то раз учительница наша Вот о чем рассказ своей поела.

«Маленькая девочка Наташа Коридором Совнаркома шла. Строгий часовой ее заметил: — Стоп. Куда? — дорогу пригаради. Но, по счастью, коридором этим Добрый незнакомец проходил. — Как тебя зовут? — остановился. — Звуться? Сколько тебе лет? — Перед часowymi изниклись. И провел малышку в кабинет. Предложил: — Давай работать вместе. Что ты любишь делать? — Рисовать. — Ну, тогда садись на этом месте — В этом кресле мягком, как кровать. Вот тебе карандаши, бумага. Что же рисовать ты будешь? — Дом.

Сам прошлесе быстрым-быстрым шагом Взад — вперед и стал перед столом. Разбирает письма, телеграммы. Спрашивает, деляя дела: — Где же у тебя, Наташа, мамал? — С голуду недавно умерла... Карандаш упал, и рядом с домом На бумагу капнула слеза. Глажу председателю Совнаркома В голубые детские глаза. Дети — это будущее наше, Мы для них проложима все пути... Подошел и бережно Наташу, Как родной отец, принял к груди. А она пригравлесе и заблывлесе. Помогонку стала засыплате. Не заметила, как очутилесе Снова в кресле мягком, как кровать. Спит Наташа сладко и не знает, Что творится в этот миг вокруг, Трубку телефона поднимает Добрый незнакомец ее друг.

— Феликса Эдмундовича. Срочно. Записка. Ну, как у вас дела? Хорошо? А у меня в кам вот что: К маме сегодня девочку зовуш. Мать скончалась, никто знавалом. Нужно позаботиться о ней. Да. По поручению Совнаркома — Под защиту взять таких детей! Чтоб не спали под открытым небом. Нива зальст — для них родная мать. Да. Да. А спекнулатос родная Расстреляты! Немедла расстреляты.

Что же стало с девочкой Наташей? Трудесе, заочная институту... Подожди, Учительницу нашу Вель Наташу Павловну зовути

г. Араамас.

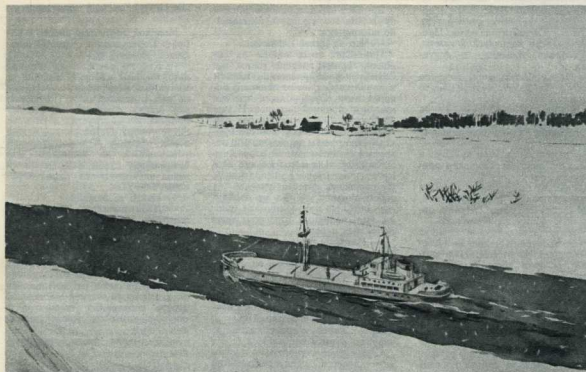

Рисунок А. Катковского.

Юрий НОВОСЕЛЦЕВ

НОВЫЕ КРЫЛЬЯ

(Продолжение. Начало см. «Смена» № 1)

Молодой инженер Вершинин сохнул ветродвигатель, измывший большие преимущества перед существующими. Внезапно его изобретениям старается поменять авторы одной из провинциальных конструкторских Рабинский и Гвоздаков. В Академии наук пытаются применить соперников Рабинского назначив наблюдателей за постройкой новых ветродвигателей. Испытание ветроустановки Вершинина проходит успешно. Их исполнение вертикальные роторы дают больше энергии, чем горизонтальные.

Противник Вершинина, подполковник флота, пытается доказать, что инженер-конструктор — предатель. «Материалы» о нем они передают секретарю майору Перугудову, который приглашает Вершинина для объяснения. Батка говорит против Вершинина.

4. МЕРДЕР ПРЕДЛАГАЕТ НАВОДНЕНИЕ

Гвоздаков, бесспорно, умеет принимать гостей. Его уютная квартира дача стояла в километре от станции среди некоего бора. Тенистые сосны, покоченная вершинина, ласково противили свои мохнатые лапы поверх глухого тесового забора. А посреди просторного участка, добрую половину которого занимал фруктовый сад, красовался небольшой дом, кокетливо выкрашенный в голубой краской.

На балконе в удобных плетеных креслах сидела два гостя: профессор Рабинский и человек средних лет с резкими чертами скуластого лица. Профессор, уже изрядно вымывший, возбужденно говорил:

— Мы сделали все, что от нас зависело. Буквально все! И у майора Перугудова более чем достаточно материалов.

— Почему же Вершинин еще на свободе?

— На этот вопрос может ответить только Перугудов. Но представляете себе, какой это будет громкий процесс!

Смуглый гость взвал кусочек сыру, затем похрюк его обрвало на тарелку и несомненно заметил:

— Я не совсем отчетливо представляю себе пользу от подобного судебного процесса. Да и твердо ли вы уверены в том, что Вершинин действительно нанесен большой материальный ущерб?

— Я знаю,— шутливо ответил Рабинский,— что я ничего не знаю. Повторю, мы сделали все, что от нас зависело.

— Да,— вздохнул взгуд смуглый гость.— Очень трудно работать в таких условиях. Как сложно мне было стать тем, кем я сейчас являюсь. Выходит, я так рисковал лишь ради выявления каких-то туманных вредительств... И это в то время, когда я должен вести работу в широком масштабах.

Рабинский нитко сказал:

— Из Джеймса Мердера вы без нашей помощи стали Гассаном Садыковым, сыном туркменского козачка. Но зато благодаря нам вы сейчас кандидат наук.

— Никогда не произносите имени, под которым вы меня знали в Филадельфии,— холодно прервал Рабинского Мердер.— Я уже прошу вас об этом. А кандидатом наук действительно меня сделали вы. Я и сейчас помню, как молитвы, все ответы на ваши вопросы, которые вы заставляли меня вызубрять перед защитой. И моя дис-

сертация, подготовленная вами, дорогие оппоненты, также была неплоха. Но все это — детская забава по сравнению с моим пребыванием в туркмена.

Гвоздаков поднял бокал и предложил, улыбаясь:

— Так выпьем за убитого басмачами старого Алескера Садыкова и за его здравствующего сына Гассана!

Мердер натянуто усмехнулся и поднял свой бокал. Отпив глоток, он деловито сказал:

— Когда Вершинина арестуют как вредителя, неплохо будет устроить диверсию на его ветроустановках. Это будет выглядеть как местная организация за арест ее вожака. Осенью все линия станет на консервацию. Там останутся, полагаю, только один сторожа.

— Взяры! — с тревогой спросил Гвоздаков — Спешком большой объем работы. Ведь придется подвывать со одну матч. А сколько взрывчатки понадобится! Без бригады рабочих не обойтись.

Мердер раскотился.

— Мы еще там взрывную контуру открыты. Я вижу, что не напрасно кое-что вызубрил по аэродинамике и механике. Для диверсии понадобятся дельные и смелые люди, но взрывчатка — ни грамма. Все работяе мне представляло так ночью, при крепком западном ветре, надежные ребята уберут охрану ветроустановок, а затем автогенном перерезают отжки из стального троса, удерживающие матч с запада. Десяти два троса толщею в руку — это, верите моему опыту, часа три работы для

десятка переносных автогенных аппаратов. И под напором ветра ось линия на протяжении двадцати километров рвется в реку.

— Это,— это трагедия! — пробормтал поблдевший Гвоздаков.

— Но вы не видите еще конечного результата,— сложиво продолжал Мердер.— Кроме того, я с моими скромными познаниями, имею все основания предполагать, что река, запруженная на протяжении двадцати километров металлоконструкциями, выйдет на берега. Произойдет катастрофическое наводнение.— Мердер презрительно сжал губы и добавил: — Советские ученые говорят: всякое наводнение можно заранее предусмотреть и локализовать его действия. Постараемся доказать обратное.

— А если Вершинина не арестуют? — осторожно спросил Рабинский.

— Это не отменяет диверсии,— отрезал Мердер.— Продамте мое предложение и приступайте к подготовке. Время не ждет. Вы на балконах уже пожелтели листья. Вы говорили, что у вас есть надежные люди. О деньгах не беспокойтесь. Если наш план удастся, добьетесь командировки за границу. А там вас сумеют переправить в Америку. Не забудьте, на ваших счетах в надежнейшем банке Нью-Йорка уже кое-что лежит...

5. КУДА ДЕВАТЬ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ

Майор Перугудов пошел на диван к Вершинину, развешенному на зеленых чертах, и сказал убежденно:

— Я вижу, что ваши установки и зимой найдется работа. Тут действительно не проедат ни один киловатт мощности. Предустановка будет поглощать каждый такой прибор?

— До пятисот киловатт. Приборам не будет сразу ухватывать нагрузку на мезе. Тысячу четыреста штук.

— А как экономическая сторона?

— Вот расчеты и решение научно-технического совета министерства, вот заключение экспертов.

Перугудов двинул инженера за плечи, вскопич с дивана, и взерошил волосы, весело сказал:

— Образованный! Предустановка меня обрадовала, дорогой! И смело и просто замечательно! Ведь это только у нас такое родиться может, только у нас!

— На ту же калитку еще помогало,— тихо сказал Вершинин.

— А что министр?

— Одобрял. Но советовал пока в прессу не сообщать результаты. Это было просто необходимо.— Поблиз удивленный взгляд инженера, Перугудов улыбнулся.— Это, понимаете, вопрос тонкой психологии.

Реальная иллюстрация подчас весьма непростым делом. Представьте себе кто следовательского мышления.

Вскоре они стояли в просторном пехе возле готовых приборов, похожих на трансформаторы большой мощности.

Отяжел приборы и поговорил со смехом мастер, Перегудов сказал: — Посмотреть бы их в действиях.

— Вы увидите, — начал годовод Вершинин. — Ведь приборы будут в таком месте, что...

— Верно! — рассмеялся майор. — Правильнее было сказать, что я хочу посмотреть на результаты их действия.

— Вот это реальнее, — согласился Вершинин. — Думаю, месяца через три ваше желание негрудно будет исполнить.

6. ЛЕДОВЫЙ РЕЙС

Держа в руках приказ на рейс, Ерилов, катая буксирного теплохода ледоходного типа, в недоумении смотрел на диспетчера.

Он — что ты полагался, Федор Павлович! — возмущенно спросил он. До Васильевки я еще сквозь лед пробьюсь, доведу караван. Там и завоюю. А у тебя в приказе написано: пункт назначения — порт Молодежный, прибываю — первого января. Будь там в эту пору метровой лед будет! Где же такое выдало!

— Ничего не знаю, — коротко ответил диспетчер. — Сам начальник пароходства приказал. Ты исполни, потом обжалуешь.

— Выполнил. Буксир мощный, сорванный, но я ему, даже если быстрая скорость такой лед пробивается, как раз до весны выйдет срок. Но с баржами... корпус им поменьше льдяным, изуродуешь. Так и потонушь во льдах недалече! Да тебе этим рейсом особую честь оказывать! — нетерпеливо возразил диспетчер. — Из уважения к тебе, знатному капитану.

— Уважили, — сказал Ерилов. И, сузив глаза, в карман шинели вышел, сердито хлопнув дверью.

Ледоходный буксирщик № 4 с прокочиня рейс, шел за собой четкой боковой ледоходной баржи с грузом. Хмуря река, синицею отблескивая посередине, лежала в заснеженных берегах.

— Уважили, — ворчал Ерилов, необязательно поглядывая на разраставшуюся у берегов ледяную крошку.

Мимо Васильевки прошла, лоямая сплошной десантно-транспортной Радист запросил диспетчерскую о состоянии реки выше, до пристани Новый Створ. Ответили, что лед там от пятнадцати до двадцати сантиметров. Это не на шутку встревожило капитана. Близ лед станет толще, можно серьезно повредить корпус барж.

Пристав Новый Створ прошил двадцатого декабря. Летом отсюда до порта Молодежный добирался за двое суток. Но теперь капитан Ерилов видел, что караван неминуемо застрянет где-нибудь на пустынном плесе между двух приставей. Буксирщик, итугою работа вантами, яростно крошил лед, делая в час не больше полутора — двух километров.

Двадцать второго декабря Ерилов приказал застопорить обе машины и сообщить в диспетчерскую, что придется тянуть баржи обратно на зимовку в Васильевский затон. Ответ был получен немедленно: «Возвращайтесь! Выпретесь. Ожидаете распоряжений».

Ранним зимним утром буксирщик и его баржи попрерхнуто стояние посреди застывшей реки. Все вокруг затянато спятившим

молодым льдом. Вахтенный доложил Ерилову, что температура упала до двадцати градусов. Просто у двери каютыской каюты, он добавлял тревожно и сочувственно.

— Нарок беспокоится, товарищ капитан. Что делать больше? Лед-то крепнет...

Ериловым моча пошла на бланк радиогаммы: «Возвращайтесь! Запрещу. Ожидаете распоряжений».

Когда совсем рассвело, приборный приказ диспетчерской: «Продвигайтесь вверх. Пункт назначения — порт Молодежный». Буксирщик с грузом сдвинул с места караван и медленно пошел дальше, скурывая лед. Над зимним простором реки далеко разнеслись глыбы тонких льдов.

У Широкой Луки все равно застрянем, — хмуро сказал Ерилов по поминкам. — Там в эту пору лед в полметра бывает.

Ноябрь пришла тихая, морозная. В свете прожектора вперед ледокола бесчисленными глобулатыми искрами сверкала зимнее ослепящее сияние рек. С берега казалось, что темная громада судна медленно движется по широкому заснеженному полю.

Порывались с рыбачьим поселком у Широкой Луки. На берег сбегались жителям, удаленные посылкам каравана.

— Нам бы по закону пора уже застрять тут, а мы все кромим да кромим! — сказала поминкам капитан. — Вот спасибо сормовчан за такое судно!

С берега встал караван несильно крика приветств. Рулевой, широко улыбаясь, заметил:

— Если народ за нас радуется, то и нам печалиться нечего. А когда на душе весело, то и лед вроде тоньше кажется.

— Где же твой полметра? — с притворной суровостью спросил капитан поминкам.

— Ума не приложу, — развел руками тот. — Я ведь сам здешний. И отен тут сорок лет в ледманях ходил. Но чтобы под самый Новый год через Широку Луку каравану пробраться... Точно сон наяву.

Капитан довольно основательно постучал по спине друга кулаком.

— Сив, товарищ! Я тебе покажу, как на вахте спать!.. Но ты погляди, Назарыч, лед и ширям будут тоньше стал.

В рубку торжественно вошел вахтенный матрос и доложил:

— Помыре перерывного столба темнеет что-то. Не то снег втер судно, не то...

Ерилов схватил бинокль и, едва приложив его к глазам, недоуменно воскликнул:

— Что за диво! Глази-ка! Поминкам тоже казался за бинокль. Далеко вперед узким, постепенно расширяющимся клином темнела свободная от ледяного покрова вода. Буксирщик приблизился к странному помыре и уже без бинокля стало видно, как над темным, терпящимся вдалеке пространством воды призрачными колодами стелется легкий парок.

Срезает льда и сорогане кипосуды постепенно прекратились. Буксирщик, быстро улекая за собой караван, вышел на свободную воду. На палубу шумели голоса. Срезает льда и сорогане люди поднимались наверх.

— Митя, ты только погляди, Митя! — торжешо молодой моторист жалко, как и он, наверх, только в брюках и тельняшке выжидавшего на палубу. — Ведь не иначе, как земная ось сдвинулась!

— Земная ось... усомнился матрос. С брат, через край хохотал. Скорее наши умные атомную энергию в рубку пустили!

С верхоуль винутили и деловито донесли предупредительный гудок. Летом никто бы не обратил на него внимания, но в зимнем воздухе он зазвучал так удивительно, непривычно, что все немолжно исполнилось.

Встречный! — закричал капитан в, засуетившись, как несущущий новичок-практикант, кинулся в штурвальную рубку. — Скорее! Отмахну дайте встремноу! Слева. Только не фалом, а огнем. А ты, батюшки мои... Под Новый год в этих-то мести!

Мимо, шумя высоким бурным под форштевень, стремительно пронесся грузовой теплоход «Комсомолец»... с высокого мостика, распростертого, как крылья гигантской белой птицы, раздалось громкое приветствие Ерилову:

— Федору Егоричу поутнее!

С зимней навигацией стал! Ерилов схватил руль и прерывающимся от радостного волнения голосом закричал в ответ молодому капитану «Комсомолец»:

— Спасибо, спасибо, Миша! И вас всех с тем же!

В течение последующего часа лоды и два буксирщика с большими караванами грузовых барж. Ледяные оторочки с отбавившимся зарываниям отступали все дальше к заснеженным сияет берегам, открывая широкое зеркало реки. Словую летнюю рождившее над водой тумана отнесло к западному берегу ровным ветром, прилетившим из далеких степей.

7. КУДА ИСЧЕЗ ВЕРШИННИ

Молодой лейтенант вошел в кабинет Перегудова и, с грузом слезящих улыбок, доложил:

— Как по расписанию все вышло, товарищ майор. И машина та же самая, и авторегенные аппараты на ней, и автогенщики. Полностью вся шайба, которую по ваяному приказанию я отпустил в ночь на пятное ноябра. Остановились между сорок седьмой и сорок восьмой установками за доломиком. На автомашину стали маскерировать челод натягивать из белой парусины.

— Никто не бежал? Двое льда дали. Отстранились от бесшумных термистолов. У них у всех оказались эти игрушки.

— Равных нет? — Двое льда дали. И все бандиты тоже в полном здравии. А у шфера огней пугевог лети до доставки из ремонтной мастерской детали авторегенных аппаратов с обмурованной и кислородными баллонами.

— Садькова среди арестованных нет?

— Нет. Это хорошо, — с удовлетворением проронес Перегудов. — Я, по правде говоря, очень беспокоился за него. Думал, что, потеряв неучаю, он теперь ползает сам.

После ухода лейтенанта Перегудов долго сидел в раздумье, устремив недвижный взгляд в окно, на стекла которого крепкой морозной образкой лепилась пальмовую рошу. Серьезное дело приближалось к концу, хотя предстояло еще немало поработать.

Приняв решение, Перегудов поднялся и вышел из комнаты. Дежурный у кабинета полковника предупредительно распахнул перед ним тяжелую, высокую дверь.

Сообщив начальнику подробности помыре банды «автогенщиков», Перегудов попросил разрешения выйти на место. Полковник разрешил и спросил:

— Может быть, захватите с собой в качестве экспертов Рибчинского и Гвоздочка?

— Пока не собираюсь, но я готовил им, что обязательно еще приберу к их помыре.

— Ну, поезжайте сами. Кстати, там с движением судов осложнение. Как только ударили большие морозы, от тельной реки пошел густой туман. Из пароходства сообщают, что все суда вынуждены были стать на якорь. Неприятная вещь. Ведь заляпировано перевести очень много грузов. Эти три судна с плавна железных дорог и либо завезены на пристани, либо

уже застряли на реке в тумане. Где сейчас Вершини? Вся вода за это ложится на него.

— Мне сообщили, что Вершини сейчас в одной из лабораторий института связи. Совет, совет, расстрел. Ведь трудно было предугадать, что от нагрева реки его способом туман над ней в сильные морозы будет столь густ. При воспоминании — двадцать градов, а сам это видел, туман стался по реке низкой пеленой, в которой совершенно не было видно баков, створов, перевальных столбов... Вот так вышло!

— Новое дело, — задумчиво проговорил Перугудов. — В каждом новом деле必有 неожиданности, которые вначале предугадать. Но так или иначе, — решительно заключил он, — помогайте коллективу Вершини.

Через полчаса к аэропорту подошла машина, в которой сидели Перугудов, академик Викторов и Николай Иванович Фалеев.

В самолете Перугудов с надеждой сказал академику:

Николай Иванович при всем желании не сможет помочь речникам. Его специальность — ветродвигатели. Но вы, я думаю, найдете и посадите какие-нибудь хорошие решенки.

— Может быть, радиопередатчик и радиоланка, — задумчиво ответил Викторов. — На новых моряк-водоохранных они уже есть. Но на этой трассе. Там — простор морю, здесь — сплошные извилины естественного русла реки. Нужны свои радиоланки...

После часа полета Перугудов с ним в сопровождении показал на проливающийся далеко внизу обширный снежный ландшафт. Реку скрывал клубящийся над ней непрозрачный туман. Валаево, утонуло до половины в мучной пелене, всталась наизморозь смутной вершиней великанов ветроустановки Вершини.

Самолет пошел ниже. И Перугудов с восхищением, шепотом тув-туй выслушал скрежет зарывшихся в темные скулы надстроек летящих судов, застывших туманом на реке и на реде порта Молодежный. Темные, проломившие темла брызг то появлялись, то бесследно тонули в темных испарениях реки.

Резкий северо-восточный ветер врвался мощные ветродвигатели. Изменились километры-часов электрической энергии шла на бакемны в установленные на дне реки нагревательные батареи. Перугудов вспоминал свое ночное посещение валаево, где изотопились установочки, способные нагреть зимой воду в большой реке. Он вспоминал, как Вершини с юношеской горячностью говорил ему:

— Это не специальность. Но такие вещи повинны каждому, товарищ Перугудов! Над рекой навстречу злому восточному ветру будет вставать завеса тельного, густого тумана. Ветер станет теплее, а завеса испарений ляжет на поля slopes вниз. Ученые говорят, что слой будет к весне достигать двух — четырех метров. Вы понимаете, какие накопятся запасы влаги для посевов! И этого и не предполагал, а оказывается, наша оросительная система в зимой будет вносить работу, накаливая влагу в восточной районе у нас еще нет каналов и насосных установок. Но подует зимой западный ветер — и на «мертвую землю» тоже будет оседать туманный покров ина... Какие неожиданности, ка-

кие счастливые совпадения являются при решении новых вопросов техники!

Это, бесспорно, было счастливым совпадением, позволяющим сразу и широко извещать о открытии и наковить за зиму работу.

— Но если работа ветроустановок зимой нецелесообразна из-за их обречены на простот, то обвинеие, предъявленное Вершинику Рабинским и Гюлазовым, приобретает грозную реальность. Рабинский и Гюлазов — преступники, но с их материалов следователю Перугудов придется считаться.

Летчик уже авторично спросил Перугудова, садится ли на маленький аэродром за новым городом порта Молодежный. Перугудов поморщился, как от сильной физической боли, и приказал лететь обратно.

Отъезжа обоих уценых с аэродрома по домам, Перугудов в отвратительном настроении приехал к себе на службу. Секретарь отдела сообщила ему, что три раза звонил профессор Рабинский. Послав в душе Рабинского ко всем чертам, Перугудов мзуро книгу, прошел к себе в кабинет и позвонил в квартиру Вершинику. Тонкий детский голос доверчиво сообщил: — Папы четвертый день не выходят. Мама говорит, что он совсем запропастился. Скажите, запропастился — это очень долго получается?

— Порочно, — неселосо ответил Перугудов — вчерашней дией семь. А ты дочка Георгия Петровича?

— Нет, я сын. Тамару мы к телефону не пускаем, она еще совсем мала. А мама что-то чертит. Позвать ее?

— Нет, не нужно, мальчик. Потом он соединился с отелом охраны парадокства. Перугудов посоветовал начальнику охраны устно наблюдать за рекой в зоне тумана.

— Особенно внимательно следить за обстановкой на тех участках, где движение судов не остановлено. Позвонить можно ожидать какого-нибудь скюрина.

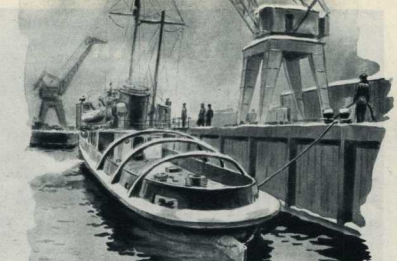
Позвонив в лабораторию, где должен был находиться Вершини, Перугудов узнал, что Георгий Петрович с группой сотрудников выехал на радиовоз, а оттуда отправится в порт Молодежный для посадки на служебном пароходе уценых.

Полумрач немного, Перугудов решил все же побывать в порту. Возможно, там состоится долгожданная встреча с Садиковым. Лучшее время, где изотопились установочки, вертелет. И хорошо, что он отказался от посадки самолета у Молодежного. Не следует привлекать к себе внимания.

8. СЛЕПОЙ РУЛЕВОЙ ВЕДЕТ СМЫЗЬ ТУМАН

Оставив вертолет далеко за портом, Перугудов пришел к причалам. У бетонной набережной стоял большой новый буксирщик ледокольного типа, каике Перугудов видел только на фотографиях. Попросив разрешения на обьезд, майор поднялся на борт и прошел к капитану.

Ермиллов пил чай и мрачно смотрел на зловещий район у нас едик диспетчерской и обьездной рейс. Встретил тепловоз у Молодежом с триумфом, это было первое судно с низовья. А теперь вот сдвн в каюте и жди погоды. Но

какая может быть погода! Прогноз абсолютно определен.

— Ветряки остановились, — ворчал капитан, — туман обязательно пролядет зато река при таком морозе сразу станет. Снова ветряки пустят, река вскроется, а над ней туман стеной подымется. Вот задичь-то!

Перугудов отдернул дверь каюты, сочувственно похлопал плечом, — Верно, Федор Егорыч! Тут куда ни кинь, все клин!

Ермиллов с досадой вскинула голову и увидела человека, всажено синего серую каракуну по толку. В следующее мгновение лицо старика просияло, и он, вскрикнув, ухватил Перугудова за обе руки и закричал:

— Сергунка! Сергей Иваныч! Какими судьбами?

— Да вот, в тумане заплутался, — сказал Перугудов. — А я вас летителю не видел, Федор Егорыч. Но из памяти не вылетел, по газетам следил. Все-таки приятно, что меня еще мальчишкой такой знатный человек за взоры отгадал, чтобы на чужие аблони не лаял. А ты, видите, и встретился.

— Ничего, — примирительно улыбнулся капитан. — Было... для полного дела... Чайку выпьете?

— В другой раз, Федор Егорыч, — отказался Перугудов. — Вы мне лучше скажите, где тут путевский парок, стов?

— Путевский? Да он уже полчаса как в туман пошел. Ищи его теперь...

С досадой махнув рукой, Перугудов вышел из каюты.

Через несколько минут Перугудов был уже у старшего диспетчера порта, который сидел перед реидым экраном в операторской. Туман не мешал радиолокационной установке. На экране отчетливо во были видны все суда, стоявшие на обширном реде.

Пожав диспетчеру руку, Перугудов указал на экран.

— Мне нужен путевский парок. Любым способом доставьте его в него.

В ответу за Вершининым, товарищ Перугудов — улыбкой спросил диспетчер. — За ним сейчас стов погнаться. Интересную вещь испытывает.

Перугудов указал на движущийся у зрвья экраном небольшой отбывающий слудит, который обьезд группой неподвижных судов.

— Это он?

— Не угадали. Путевский уже

за пределми зрвня. А это за ним идет реидый буксирщик.

— Довольно смело идет, — заметил Перугудов. — Будто там и тумана нет. Но как добьется на путевский?

— Невозможно, — развел руками диспетчер. — Вселд лутки можем, сейчас как раз один буксирщик отпавили, а догнать — ничего не получится.

— Ну, давайте хоть вселд, — согласился майор. — А там видно будет.

Тогда подлетел, — предложил старший диспетчер. — Я тоже собираюсь в рейд. Значу, — сказал он, — навах одну из кюпок пульту, — монтажники еще у себя или позван на причал?

— Нет, — ответил старший диспетчер. — Немного соваля по-воляски, отгелл сквозь золотистую сточку динамика:

— Только что пошли. К капитану Ермиллову.

— Каким монтажником? — спросил Перугудов старшего диспетчера, когда они уже спускались по широкой лестнице управления порта.

Диспетчер глянул на него с лукавничкой.

— Не знаете? Как же это так, Сергей Иванович? Не первый год знаком с вами и думаю, что вы все знаете и всоду посчитаете. А тут вдруг я вас опередил. Небывалый случай!

Диспетчер ждал, что Перугудов рассудит, но тот рассмеялся и, дружески хлопнув диспетчера по плечу, возразил:

— Да я потому толком и знаю так много, что меня часто опережают другие люди, честные, смелые и не ротожи.

В штурваллюй рубке буксироника Перугудов снова увидел капитана Ермиллова, удивленно наблюдавшего за работой двух монтажников, которые пристраивали к колонке электрического штурвала небольшой шдик из корячьей пластмассы. Сверху на шшке была откидывающаяся металлическая нашка, а своим прозором плотно обьявляла с боков гладкую черную рукоятку штурвала.

— Бродит готово, — сказал один из монтажников, заточу у колонки штурвала упругий эажим.

— Не врод, — поправил другой, — а готово.

Капитан расширил погляд на Перугудова и спросил:

— Видел, Сергей Иваныч?

И ТАК БЫВАЕТ

На недавно проходившей в Москве выставке произведений художников РСФСР обратила на себя внимание работа тульских графиков А. Мясотыча и Ю. Воргушина, представивших серию картин на сельскохозяйственные темы, объединенных общим названием «И так бывает». Мы печатаем некоторые из их рисунков.

Работник этот нам знаком:
Ему всего дороже
Свой скотный двор, уютный дом
И пуховое ломе.

Зачем из дома выходить,
Вставая с петухами!
И он решил «руководить» —
Размахивать руками.

В МТФ завелась
Смертная привычка:
Здесь делами управляет
Тети-бывалыча.

Очевидно, это дело
И Буренке надоело,
И дает она пока...
По стакану молока.

Вот так нинге «мастера»
Свои калечат трактора...

Нам нужен метод узловый,
Но ум, конечно, не тайной!

Посеял сорняки деляга,
Полня чернилами и рад:
Взошла ретейником бумага...
И думает, что сделал благо
Колхозу этот бюрократ!

...то надо, При
Подумайте, критик, об
этом!

Наверно,
Читатель такой
И не сился Жюль Верну.

Нам полюбилась
Жюль Верн и Майн-Рид.
Нас с детства манил
За собой «Сладкомят».
Но разве романтична
Только — Техас!
Да где же искать ее,
Как же у нас!

На льдине дрейфующей,
На целине —
По всей необъятной
Советской стране.
Там почему же —
На полях изгибной! —
У нас
...и критик,
ответ:

пятнадцать
лет.